

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 11/35

НОЯБРЬ 1936 г.

№ 11/35

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат. — Наша ориентация.
З. Авалишвили. — Из истории кавказской политики.
Шалва Карумидзе. — «Север» и «Юг».
В. Оленин. — Изобилие плодов земных.
Шалва Амиреджиби. — Печальная страничка недавнего прошлого Грузии.

Ген. Муса Паша Кундухов. — Воспоминания.
Александр Диановский. — «Лиран».
Обзор печати.
Хроника.
Библиография: Г. Д. — «Три исторических документа».

22 ноября 1936 г.

**НАША
ОРИЕНТАЦИЯ** Борьба с коммунизмом выходит наконец из стадии теоретических разговоров.

События последних месяцев, и в особенности последних дней, свидетельствуют, что решительный бой между палачами мировой совести и темными силами III Интернационала близится.

Всего лишь месяц отделяет нас от поезда в Берлин, спавшей антикоммунистический блок двух великих европейских наций.

За этот короткий промежуток времени к ним присоединились Австрия и Венгрия.

На днях телеграф принес известие, исключительное значение которого, в деле организации реальной защиты против грозящей захлестнуть мир красной опасности, никто не станет отрицать.

Мы еще не знаем точного содержания нового японо-германского соглашения. Телеграммы из Токио несколько расходятся с сообщениями, появившимися в европейской печати.

Однако, ответ, данный японским министром иностранных дел на запрос советского

полюса в Токио Юренева, не оставляет никакого сомнения, что великая дальневосточная держава, являющаяся оплотом мира и правопорядка в Азии, также как Германия, пришла к выводу, что борьба с разрушительными силами III Интернационала является в настоящий момент важнейшей и неотложной задачей человечества.

Япония, заявил г. Арита, ведет переговоры с «третьей державой» об организации этой борьбы общими силами и делает все от нее зависящее, чтобы привлечь к ней также и Китай.

Не малое значение в плане начинающейся реальной борьбы с мировым коммунизмом будет иметь и только что состоявшееся официальное признание Германией и Италией правительства ген. Франко.

Этот факт означает, что отныне Испания, на территории которой идет не только национальная, но и международная борьба между соперничающими в мире идеологиями, отныне формально входит в состав все более и более расширяющегося антибольшевистского фронта.

*
**

В связи с происходящими в мире событиями наблюдается повсюду оживление и в некоторых старых и новых кавказских эмигрантских группировках. Оно принимает порою уродливые формы и грозит Кавказу опасными осложнениями.

Национально мыслящая кавказская эмиграция должна решительно оградиться от этих группировок и уточнить свои позиции, как внутри Кавказа, так и перед лицом тех внешних сил, от которых в неизбежном историческом процессе, в той или иной мере могут зависеть судьбы нашей Родины.

В специфических условиях кавказской действительности проблема «ориентации» доми-

нирует над всеми остальными проблемами. Она является не только вопросом политического устройства, но и самого национального бытия наших народов; быть может их физического существования.

От правильной постановки этой проблемы зависит безболезненное разрешение и целого ряда весьма сложных и острых национальных и территориальных разногласий, без окончательной ликвидации которых совершенно бесполезно рассчитывать на лояльное политическое сотрудничество наших народов. Бесполезно, следовательно, мечтать и о совместном государственном строительстве.

Ни один народ не волен в выборе своей политической ориентации. Ни для одной страны вопрос этот не ставится вне времени и пространства. Это политическая аксиома абсолютная для всех. Непреложна она и для Кавказа.

Наша география, наша экономика, этнический состав нашего населения и наша история дают нам политические директивы, которых никто из нас не может безнаказанно нарушить.

Кавказ представляет из себя, в своих внешних национальных границах, довольно точно очерченное географическое, стратегическое и экономическое единство.

На ограниченной территории, щедро, но неравномерно, наделенной всевозможными благами природы, народы Кавказа живут без естественных внутренних границ.

Экономически восполняя друг друга они не в состоянии обеспечить свою внешнюю безопасность не опираясь на территорию и живые силы своих соседей.

Ни один из кавказских народов, не имеет ни малейшего шанса распространить свою гегемонию на других. Каждый из них располагает весьма существенными политическими козырями, которых нет у других. У

каждого своя Ахиллесова пята, грозящая ему смертельной опасностью.

Всякая попытка изолированного разрешения своих национальных задач натывается на такие территориальные, экономические и политические затруднения, которых *собственными силами* ни один из кавказских народов разрешить не в состоянии.

Обращение для разрешения их к какой-нибудь внешней силе, автоматически заставит остальные народы Кавказа искать защиты своих интересов в сотрудничестве с другими, конкурирующими внешними силами.

Нет надобности углубляться в дебри истории для иллюстрации этого тезиса.

Драматические годы 1918, 1919 и 1920, когда народы Закавказья, охваченные местными национализмами, не считаясь ни с географией, ни с экономикой, ни с историей нашего края, обнаружили вдруг великодержавные аппетиты и, ориентируясь на разные внешние силы, вели друг с другом бессмысленные братоубийственные войны, а народы Северного Кавказа, предоставленные собственной участи, истекали кровью в неравной борьбе то с красными, то с белыми волнами захлестывавшего их русского моря, — на памяти у всех...

Опыт прошлого должен быть учтен. Мы должны твердо помнить, что как бы благоприятно ни сложились для нас внешние обстоятельства в момент неизбежного, под внешними и внутренними ударами, развала советской России, Кавказ сможет утвердить и сохранить свою независимость только в том случае, если мы сумеем создать, отвечающее геополитической реальности нашей Родины, единое, политически централизованное и сильное во всех отношениях государство.

Осуществление этой задачи предполагает **две предпосылки:**

Во первых: мы должны найти в себе ра-

зум и силы для того, чтобы раз и навсегда ликвидировать все наши национально-территориальные трения, путем решительного уничтожения всех внутренних границ.

К этому вопросу мы вернемся.

Во вторых — и это имеет не менее существенное значение — мы должны сделать честные и твердые выводы, со всеми проистекающими отсюда политическими последствиями, из того фактического положения, которое занимает Кавказ на географической карте, на стыке Европы и Азии, между народами Востока, с которыми и армяне, и азербайджанцы, и грузины и горцы связаны тысячами исторических, культурных и психологических нитей, и традиционным русским империализмом, одинаково угрожающим как национально-политическому бытию Кавказа, так и жизненным интересам наших южных и юго-восточных соседей.

Нам нет надобности уточнять наше отношение к России. Оно общеизвестно. Россия овладела нашими странами железом и обманом. Владеет ими насилем и террором.

Воля наших народов к освобождению от русского ига не требует подтверждения. Она запечатлена кровью. Ее не отрицает никто — даже русские.

Мы хотим лишь повторить еще раз то, что имели случай неоднократно высказывать. Никакой бытовой ненависти к русским у нас нет. Мы не думаем оградиться от России китайской стеной. Мы отлично помним, что наша география, которую мы изменить не в состоянии, делает неизбежными тесные экономические и культурные связи с будущей Россией и с Украиной. Но мы хотим, чтобы эти отношения были отношениями равного к равному. Мы считаем, что в плане моральном наши народы облада-

ют такими духовными ценностями, которые ни Россия и никто в мире не в праве попирают.

Свободное выявление и гармоническое развитие народного гения во всех областях его творчества возможно только в политически независимом государстве.

Не говоря о неоспоримых исторических наших правах, о морях крови, пролитых нашими предками в борьбе за свою независимость, это моральное обоснование нашей политической программы является для нас высшей духовной ценностью, которую мы намерены защищать с оружием в руках, не останавливаясь ни перед какими жертвами...

Позиция эта так проста и ясна, что никаких кривотолков не допускает.

**

Также проста и ясна наша позиция в отношении наших южных соседей: Турции и Ирана.

Ее мы формулировали в первых же номерах «Кавказа» и не раз впоследствии к этому вопросу возвращались.

«...Народы Кавказа, писали мы в апреле 1935 года, в № 4 нашего журнала, не стремятся заменить одного хозяина другим... Неукротимая воля к независимости и созданию жизнеспособного кавказского государства есть категорический императив наших народов, обращенный ко всем и прежде всего к непосредственным их соседям на севере и юге...»

К этой декларации, являющейся основным принципом нашего политического кредо нам нечего прибавить.

Если несмотря на исчерпывающую ясность и категоричность этой формулировки, нас в некоторых армянских и грузинских кругах все же обвиняют в туркофильстве, нам решительно ничего другого не остается, как принять эту кличку и... пригласить их стать такими же туркофилами, как мы, ибо в реаль-

ных условиях кавказской политической действительности вне туркофильства в нашем смысле остается место лишь для одного «фильства» — руссофильства.

Не случайно, что упреки в нашем туркофильстве исходят именно от тех элементов Кавказа, идеологическая и партийная связь которых с Россией неразрывна.

Разница между этими двумя «фильствами» заключается в том, что руссофильство грузинских марксистов и части армянских дашнаков и коммунистов означает сознательное закрепощение Кавказа под русским игом. Наше же «туркофильство» диктуется стремлением дать народам Кавказа одну из наиболее существенных гарантий независимости и консолидации национального Кавказа.

Всем исламоведам и туркофобам из «Прометей» и «Армяно-Грузинского Униона» — здесь мы в особенности имеем в виду грузинских национал-демократов Жорданияевского толка (стоящие за их спиной меньшевики знают, что делают) — надо раз навсегда понять, что географическая и демографическая ситуация Кавказа такова, что он может быть либо русской провинцией, либо независимым государством, опирающимся на прочную дружбу Турции и Ирана и дружественных им великих держав.

Tertium non datur!

Исходя из этого принципа мы искренно желаем возможно большего политического и экономического расцвета нашим южным соседям. Мы хотим их видеть могущественными и сильными и самым решительным образом отмежевываемся от тех политических группировок, которые на внешних потрясениях и внутреннем разложении этих стран строят свои политические расчеты.

Безумием считаем мы, делаемые нашими политическими противниками попытки найти для себя опору у тех европейских государств,

интересы которых, по их мнению, находятся в противоречии с интересами Турции.

Ошибаются они, по нашему глубокому убеждению и в учете этих интересов.

Но если бы даже выкладки их и были верны, то и в этом случае ни одна европейская держава, как бы могущественна она ни была, не в состоянии длительно обеспечить независимость Кавказа против России и Турции *одновременно*.

Ни один трезвый политик не имеет права отрываться от географической карты и закрывать глаза на реальное соотношение сил, под воздействием которых находятся судьбы его Родины.

Мы все прекрасно помним торжественные обещания, которые так щедро расточались во время великой войны несчастной Армении чуть ли не всем миром...

Что из этого вышло?..

**

На этих страницах нам не раз приходилось доказывать, что в существовании дружественной ей Кавказской Конфедерации Турция объективно заинтересована не меньше чем народы Кавказа.

Прочно спаянный и жизнеспособный Кавказ, одушевленный *несомненной для нее волей защищать свою независимость против всякого посяательства извне*, является для Турции идеальным разрешением самой острой для нее проблемы — проблемы защиты национальных границ от математически неизбежной, в более или менее близком будущем, русской агрессии.

Солидарность интересов независимого Кавказа и Турции покоится в плане таких непреложных данных географии, экономики и демографических условий обеих стран, которых никто не в состоянии изменить.

Кавказские политические круги склонны делать слишком поспешные выводы из факта существующих — может быть теперь уже вернее было бы сказать *существовавших* — отношений между Анкарой и Советским Союзом.

К этому противоестественному флирту, несмотря на его относительно затяжной характер, нужно относиться как к случайному и временному эпизоду, порожденному великой войной, революцией и изолированностью обеих стран от Европы.

Консолидация власти в России и возврат ее в европейский концерт неизбежно должен был привести к своеобразной «нормализации» русско-турецких отношений, то-есть к выявлению тех неумолимых конфликтов, которые лежат в самой геополитической природе этих стран.

Это сейчас и происходит на наших глазах.

Никакие официальные манифестации и условные речи не смогут уже скрыть весьма серьезной трещины, которую нанесла русско-турецкой дружбе конференция о проливах в Монтре.

Те, кто следили в то время за советской прессой, конечно, не забыли как болезненно реагировала Москва на наметившееся тогда сближение Турции с Англией.

Москва поняла, что Англия возвращается на Ближнем Востоке к старой, испытанной полтинке Биконсфильда.

Поблагодарим за это Муссолини.

Результаты конференции, недавняя поездка короля Эдуарда VIII в Истанбул и предстоящее в ближайшее время путешествие Имет-паша в Лондон свидетельствуют о новой эре, начинающейся во внешней политике Анкары.

Старая турецкая поговорка говорит: «Утопающий хватается за змею».

Был трагический момент в истории Турции, когда она была вынуждена ухватиться за красную змею. Политика эта дала свои результаты. Справедливость требует отметить,

что результаты эти для Турции были прекрасны.

Ныне обновленная и окрепшая Турция занимает почетное место в европейском концерте. У ней есть союзники и могущественные друзья. Надобность в московской змее делает-

ся все меньше и меньше. Мы думаем, что близок день, когда эта надобность пройдет окончательно.

Мы ждем этого дня.

Гайдар Баммат.

Из истории кавказской политики

1. ДЕЛИ-СИМОН

В XVI и XVII столетиях основной, с кавказской точки зрения, водораздел международных течений и влияний имел направление с севера на юг, от Кавказа до Багдада, по фронту исповедного, политического и военного, соперничества Оттоманской Империи и ново-персидской державы Сефевидов.

Находясь на фланге этого фронта, кавказские страны вынуждались к участию в борьбе, часто в различных лагерях, служили вольным или невольным театром войны, бывали предметом политических домогательств одновременно Турции и Персии. В частности, первая стремилась захватить восточное Закавказье и утвердиться на берегах Каспийского моря; для второй-же было вопросом жизни или смерти вытеснить из этих краев Турцию. Прибавим, что последняя, благодаря своим позициям в Крыму и на побережьях Черного и Азовского морей, могла в известных случаях, производить давление в сторону Каспийского моря и на Ширван не только с запада (через Грузию) и с юга (со стороны Тавриза), но и с севера, как бы обволакивая Кавказ обходным движением. Был даже момент, когда, в середине XVI века, султан Селиман Великолепный серьезно думал обеспе-

чить Турции доступ в Каспийское море водным путем с севера. Для этого предполагалось соединить каналом Дон с Волгой, т.-е. то, что спустя 400 лет собираются осуществить в современной России.

Московское государство скоро вклинилось между турецкою и персидскою сферами влияния и, наряду с казачьей колонизацией Терека, стало, в свою очередь, обосновываться, как могло, на северо-востоке Кавказа, интересуясь торговым путем Волга — Каспий — Персия. Тогда то, например, шамхальское владение в Дагестане оказалось даже между трех, а не двух огней. Вообще, овладение Казанью и Астраханью предвзвело рост каспийской политики Москвы. Православная Грузия, не без влияния греков, начала прислушиваться к рассказам о «третьем Риме». В этом было, однако, больше намеков на будущее, чем оснований для действительной политики: их и грузинам приходилось пока искать в другом месте — там, где, как только что сказано, проходила магистраль ближне-восточной и кавказской политики.

К концу XVI века Оттоманская Империя достигла крайних своих пределов, от Кроации и Венгрии, от Алжира до берегов Каспий-

ского моря. В передней Азии равновесие между Турцией и Персией — возрожденной Персией Сефевидов — кое как установилось, после жестокой борьбы, в середине XVI века. Оно было, однако, нарушено Турцией, когда вслед за смертью шаха Тахмаспа (1576 г.) в Персии наступили смуты, при деятельном участии близких до двору лиц кавказского происхождения. Тогда то, при султানে Мураде III, туркам удалось захватить важнейшие города вост. Грузии, Азербайджана и Ширвана. Они обосновались там, казалось, довольно прочно, особенно в мусульманских провинциях, и длительно. Лишь спустя четверть века, т. е. в начале XVII столетия, война между Персией и Турцией возобновилась по настоящему, и самые проникательные люди затруднились бы тогда угадать ее исход.

Было бы тщетно гадать о том, как сложилась бы история Кавказа, удержись турки в Азербайджане, к северу и к югу от Аракса. Как известно, они там не удержались. В борьбе за каспийское побережье и за преобладание в части Кавказа, кровно и исповедно связанной с шиитским движением Сефевидов, Иран вышел победителем. Местные политические факторы в Азербайджане, Дагестане, Грузии сыграли при этом немалую роль, несмотря на политическ. раздробленность каждой из этих стран. При многочисленности династий и владений, многое в их политике представляется случайным, пестрым, мимолетным. Зато, в некоторых случаях обнаруживаются тенденции более длящегося значения. Одной из них и посвящен настоящий очерк, а именно, политическому иранофильству грузин в XVI-XVII в.в., точнее, возникновению его накануне воцарения в Персии Аббаса I, впоследствии победителя турок, и значению в первые годы его правления. Речь, конечно, не о приязни, не о симпатиях, а об

одном из политических направлений тогдашней Грузии.

Наилучшей иллюстрацией его может послужить жизнь и судьба Багратида Карталинской ветви, Симона (род. в 1537 г.). В его, поистине бурной карьере, отчетливо отразились грозные обстоятельства того времени, одного из самых опасных, когда-либо переживавшихся Кавказом. Он вырос в обстановке разрушительных вторжений в Грузию и доблестной, безнадежной борьбы. Отец его, Луарсаб I, умер в 1558 г. от раны, полученной в бою; еще раньше бабушка, подвергнувшись унижению в плену, прибегла к яду. Нежных чувств он не мог питать к «кызылабашам».

Нет возможности хоть на минуту остановиться на чисто эпической фигуре Луарсаба I Карталинского, законченном типе воинствующего грузина-христианина. Его наследник Симон воспитался в школе отца и готовился быть его продолжателем. Но время прямолинейной «крестоносной» политики давно миновало, и она менее всего соответствовала положению раздробленной на ряд владений Грузии, с опасным для нее соседством двух могущественных мусульманских империй. Наступила, напротив, пора политического соглашения и религиозного оппортунизма. Одна часть Грузии и стала на опасный путь отуречения. Исповедно-политический прозелитизм мог оказаться полезным и Персии. Многозначительный симптом: собственный брат Симона, Давид, стал мусульманином-шиитом и ушел к шаху Тахмаспу. Понятно, с какой целью.

В 1562 г. английский авантюрист-купец, он же и дипломат, Антоний Дженкинсов, был в Шемахе по торговым делам своей компании. Его, как других, привлек туда шелк, валютный товар того времени. К нему явился армянин, агент грузинского царя (это Си-

мон), и сообщил о тяжелом положении последнего «между теми двумя жестокими тиранами и могущественными государями», т. е. султаном и шахом. Симон просил, из любви к Христу, совета о том, как бы ему отправить посла к русскому «императору». Может ли он рассчитывать, по мнению Дженкинсона, на помощь России? и т. д. Одновременно, Симон просил англичанина, по возвращении в Москву, довести до сведения московского царя о его просьбе, которую агент передал Дженкинсону на словах, так как было бы опасно излагать ее на письме. Англичанин не только одобрил мысль об обращении за помощью к московскому царю, но и подсказал как это сделать: надлежит обратиться к добрым услугам Темрюка, «короля страны черкес», на чьей дочери недавно женился названный царь (речь о Иоанне Грозном).

Посланник королевы Елизаветы, агент английской компании в Московии живо оценил важность ширванского и грузинского рынков.

Завязал сношения с Москвой и Абдулла-хан Ширванский, в стилизации Дженкинсона «король Гиркании», не стесняясь «глупством» русского царя.

О том, как и когда в действительности начались дипломатические сношения грузинских династий, преимущественно, кахетинских, с Москвою, нет здесь необходимости вспоминать. Памятников этих сношений сохранилось, как известно, немало, но практические их результаты были, и это также хорошо известно, весьма невелики для Грузии, как раз в эту эпоху. Тот же Дженкинсон воочию убедился в существовании для нее, кроме Москвы, и других точек политического направления. Будучи принят Тахмаспом в Казвине, тогдашней столице Сефевидов, английский дипломат-купчина в ответ на предложение дружбы услышал от шаха, что он не нуждается в дружбе неверных. Дженкинсону осталось

лишь откланяться. На аудиенции присутствовал и дал Тахмаспу разъяснения об истинном значении слова «христианин» не кто иной, как родной брат Симона, уже упомянутый выше Давид, переименованный в Дауд-хана. Впрочем это был, можно сказать, тип ренегата-неудачника. Его совершенно затмил сначала брат, а впоследствии собственный сын, Хосров-мирза, ставший много позже, в 1632 г., царем в Тифлисе, под именем Ростом. Симон упорствовал в непримиримости по отношению к Персии; поэтому шах Тахмасп и подвластные ему правители восточного Кавказа поддерживали Дауд-хана в борьбе с Симоном за тифлисский престол. В 1569 году последний попадает в плен: временное торжество Давида. В Казвине пленник был принят подобающим образом. Тахмасп сулил ему великие милости, лишь бы он обратился в ислам. На это он не пошел. Тогда его заключили в Аламутский замок. Ему было всего лишь 32 года. В заточении, не очень тягостном, и, пожалуй, даже почетном, он пробыл целых семь лет. Известно, что он сблизился в Аламуте с сыном Тахмаспа, Исмаил-мирзою.

Судя по тому, что со слов своих осведомителей сообщает об этом и Олеарий (в 1630-ых г.г.), Симон слыл в Персии не только храбрым воином, но еще и поэтом (это вполне в традиции Багратидов) и «философом». В не столь высшей сфере, отмечается усвоенная им там же привычка к опиуму, что было немудрено в обществе злоупотреблявшего этим развлечением Исмаила. В направлении мыслей Симона произошла, очевидно, глубокая перемена. Возможно, что и кругозор его расширился. Он пошел на вероотступничество ради открывшейся перед ним возможности действовать и бороться. Не видно, чтобы его за это осуждали в Грузии. Словом, он изъявил, наконец, согласие на то, чего не мог добиться

от него Тахмасп. Он принял, наружно, ислам, обязался бороться с турками, считая их наиболее опасным для Грузии противником, а Персия, при новом шахе, с своей стороны, обещала ему всю необходимую материальную помощь. Соглашение это осуществилось полностью, несмотря на преждевременную смерть шаха Исмаила, возведенного на престол после кончины Тахмаспа в 1676 г. Тогда же был освобожден и наш пленник. С возвращением его в Грузию, Дауд-хан перекинулся к туркам.

Персидское правительство знало, что делало, возвращая Симона на престол предков и сваривая его в Грузию во главе целой толпы застрявших в Персии грузин: в его лице оно получало драгоценного союзника, притом в тяжелую для Персии пору — кризиса, после смерти Тахмаспа. Военное счастье надолго отвернулось от Ирана. С 1578 г. турки засели, как уже было сказано, в Шемахе, Баку, Дербенте. Ширванская провинция была разделена на 14 санджаков, Дербентская — на семь. В 1590 г. шах Аббас, вступивший на престол в 1587 г., был вынужден даже формально признать это положение. По существу он, конечно, и не думал отречься от драгоценных владений. Он готовился к новой борьбе за них. Симон же продолжал воевать с турками, действуя на их сообщения и постоянно тревожа их гарнизоны. Он связал свою судьбу с Персией — в такое время, когда мало кто сознавал, что начинается «эпоха шаха Аббаса», и когда могло казаться, что Турция окончательно утвердит свое господство и в Азербайджане, и в Грузии.

Нет, очевидно, возможности коснуться здесь, даже в самых общих очертаниях, ни запутанных событий турецко-персидской войны 1578-1587 г.г. в пределах кавказского театра, ни связанных вообще с этой борьбой

политических и военных предприятий Симона на протяжении доброй четверти столетия (1576-1600). Он брал и терял крепости (Тифлис, Лори, Дманис, Гори), никогда не позволяя неприятелю утвердиться вне укрепленных пунктов. Интересны в частности и его походы в западную Грузию, в которых мотивы внутренних грузинских междоусобиц сплетаются с раздвоенным внешним ориентацией. Для полной истории этой, полной движения, эпохи в жизни кавказских народов сохранилось много данных в документах грузинских, армянских, персидских, турецких, европейских, особенно итальянских (венцианские донесения и пр.). Но история эта не написана.

Брак Аббаса с дочерью Симона Карталийского, разумеется, еще более скрепил союз их, основанный на взаимной политической выгоде. Известны старания Персии завязать дипломатические сношения с государствами западной Европы в целях совместной борьбы против Османской Империи. Естественно было при этом ссылаться на связь шаха Аббаса с грузинами-христианами, на его жен-христианок и т. д. Одновременно рекламировалась приязнь его к христианам вообще. Этого было недостаточно. Важно было подтверждение со стороны самих грузин. Оно и последовало. Имеются малоизвестные документальные доказательства дипломатической помощи в этом смысле, оказанной грузинским царем шаху Аббасу. В архивах Кастилии около Вальядолида сохранились подлинные письма Симона испанскому королю, в которых сообщается о союзе его и Александра Кахетийского с Аббасом. Это неожиданное в таком месте свидетельство дружбы и солидарности христианских владетелей восточной Грузии с персидским властелином относится к 1595 г., т. е. к эпохе, когда Аббас не мог надеяться на восстановление границ Персии собственными

лишь силами и подумывал о возможной помощи Европы. Впрочем, вот и другой след этой грузино-персидской дипломатии: из данных венецианских архивов видно, что 23-го июня 1597 года в Сенате Республики выступил грузинский посол с заявлением о соответствии стремлений Персии видам Венеции. Персия-де лишь ждет случая или какого либо успеха христиан; чтобы самой перейти в наступление (против турок) и пр.

Заметим по этому поводу, что один из посланцев Аббаса I в Европе, Улуг-бег, приняв там христианство, получив при крещении имя Ивана. Этот ренегат с другого конца, *дон-Жуан Персидский*, издал в 1604 г., в том же Вальядолиде (недавней еще квартире военной хунты, объявившей войну мадридскому правительству летом 1936 г.), книгу *Реляций о Персии*, посвященную «его католическому величеству, господину нашему дон-Филиппу III, королю всех Испаний». Здесь довольно подробно описаны политические взаимоотношения Персии и Грузии, выдвигается большая, сравнительно с Турцией, веротерпимость Персии по отношению к христианам (первая часть правления Аббаса могла, пожалуй, дать повод к этой оценке), сообщается известный и из других источников, далеко не маловажный факт, а именно, что гвардия шах-Аббаса состояла из грузин-ренегатов и т. д. Ссылка на испанскую книгу о Персии делается лишь для того, чтобы показать, как далеко проникали отголоски кавказских событий, связанных с борьбою двух великих мусульманских держав.

Как бы то ни было, дипломатический и военный союз карталинского царя с Персией был в полном противоречии с советом, преподанным Джейнкинсоном в 1562 г. Очевидно, персофильская политика его, плод продолжительных размышлений и разговоров во время

Аламутского заключения, была по вкусу не ему одному в Грузии. Полное развитие свое она получила при племяннике его, Ростоме, уже в XVII веке. Система эта, в общем, может считаться одной из норм политической жизни восточной Грузии, в течение добрых полутора столет, от возвращения Симона I из Аламутского плена до выступления Вахтанга VI Законодателя против Персии в эпоху персидского похода Петра Великого. Частичному возвращению к этой традиции обязаны некоторыми своими успехами и Теймураз II, как и сын его Иракий II при Надир-шахе. Последним же деятельным представителем политического иранофильства грузин надо считать, конечно, царевича Александра Ираклиевича, никогда не примирившегося с водворением русских в Грузии в 1801 году. Он и умер в Персии.

Вернемся, однако, к Симону. В 1600 г. он попадает по неосторожности (недаром называли его сумасшедшим — *дели Симон*) в плен; сохранился подробнейший рассказ о том, как это произошло, и с какой честью он был принят турецким главнокомандующим Джафар-пашою, кроатского происхождения. В Стамбуле его посадили в Семибашенный замок, место заключение еще более знаменитое, чем Аламут. Наследник, церковь и вельможи сложились и послали, для выкупа пленника из неволи, драгоценности. Из этого ничего не вышло: вещи пропали, а царь остался в заточении. Вернулся он в Грузию уже мертвым: останки его прибыли туда как раз, когда шах Аббас старался сравнять с землею непокорную ему Кахетию, что и удалось ему, по крайней мере в той ее части, которая потому-то главным образом и входит теперь в состав Азербайджанской республики. Но это — другая сторона грузино-персидских отношений. В настоящий момент нет основания на ней оста-

навливаться. Мы заняты всего лишь выяснением того, при каких условиях сложилось, в виду турецкой опасности, грузино-персидское сотрудничество в XVI веке — важный факт в политической жизни Кавказа того времени. Оно должно быть связано, как мы показали, с именем «сумасшедшего» Симона.

Полагали, хотя без особой уверенности, что он умер скоро после своего плена. Это не так. В допосении Венецианскому Сенату 1612 года, сообщая подробно о персидских делах, С. Контарини упоминает о дочери Симона, как первой из четырех жен Аббаса. Симон же, по словам венецианского дипломата, умер в Семибашенном замке, пробыв там 12 лет. Следовательно, он умер в 1612 г. Контарини сообщает об этом как о новости.

Замечательно участие Симона в подготовке турецко-персидского мира, ставшего необходимым после счастливого для Персии поворота в освободительной войне, предпринятой Аббасом. Трудно сказать, откуда шла инициатива этой попытки. Объясняется она, конечно, личным значением и близкой связью Симона с победоносным шахом. Жена Симона Гулькара прибыла в Константинополь; ей удалось получить свидание с ним, благодаря султаншешематери. Решено было отправить Симона и Гулькару к персидскому двору, дабы склонить, с помощью влиятельной тетки Аббаса, Зейнаб-бегум, персидского государя к скорейшему окончанию этой войны между мусульманами. Однако, Симона вернули с пути: правительство султана Ахмета I боялось (с полным основанием), что на возвращение его нельзя рассчитывать, и что он обнажит перед персидским правительством всю слабость в то время Османской Империи. Гулькара же прибыла по назначению: Аббас заявил, что готов на мир, лишь бы ему вернули все земли, которые попирала нога коня шах-Исма-

ила, его предка, основателя династии. С этим Гулькара вернулась в Стамбул.

Эта любопытная дипломатическая попытка трех женщин сделана была после сдачи турками Гянджи в мае 1606 г. Позже, во время операций против Шемахи, Баку, Дербента, занятых турецкими гарнизонами, Симон в последний раз выступает на политической арене: письмом на имя Аббаса он поддерживает с своей стороны, усилия турецкого правительства в пользу скорейшего прекращения войны. Обо всем этом подробно сообщается в напечатанном в 1610 г. отчете о войнах и победах шах-Аббаса, написанном португальцем Антониом де Гувейа, ученым монахом-августинцем, посланником Филиппа III в Персии.

Когда останки Симона прибыли в Грузию, произошло разногласие по вопросу, где их предать земле. Аббас воспротивился погребению во Мцхете, которого, естественно, добивались (и, кажется, добились) грузины, не придавая особого значения мусульманству царя. Напротив, шах желал предания земле в Куме, в Персии, рядом с могилами Сефевидов. Очень кстати — есть и такая версия — останки «исчезли», и спорить было не о чем. Этот заключительный аккорд был, конечно, не без фальши. О настоящей гармонии не могло быть, впрочем, и речи там, где из двух зол выбиралось казавшееся меньшим. Выбор, однако, сделан был с большою провинциальностью. Быть может, его подсказало сознание большей легкости персидского ярма сравнительно с турецким?

Как раз в дни Симона решалась участь так называемой мусульманской Грузии, которую ни ему, ни вообще грузинам, ни Персия, несмотря на все усилия, не удалось отстоять от турецкого захвата. Она оказалась обреченной на национальное вырождение: уж одним

этим оправдывалось упорство борьбы «безумца» Симона и направление его политики. Оно избавляло Тифлис от участи Ахалциха, и содействовало восстановлению турецко-персидского равновесия на Кавказе, а без этого не было бы и современного Азербайджана.

Политическая карьера Симона I оборвалась

как раз накануне торжества Аббаса на кавказском театре; и почти накануне тех осложнений в грузино-персидской политике, которые привели к разрушениям и кровопролитию, сделав имя шах-Аббаса ненавистным в Грузии, но не отвратили от дальнейшей политики иранофильства.

З. Авалишвили.

„Север“ и „Юг“

(Окончание)*

Новым фактором является послевоенный мир, его обстановка и условия после Великой войны. Этому влиянию подвержены, конечно, не в одинаковых формах, все мы: «Север», «Юг» и Кавказ. Наша попытка сделать наш вопрос более активным, теснее ввести в ход европейских событий — пока не удалась. Но и попытка «Севера» совершенно отстранить этот новый послевоенный мир с его влиянием от нашей проблемы и наших судеб — тоже не удается.

Основная проблема мира, которая в сущности и есть двигательная сила и цель эпохи, — проблема национальной свободы, сожительства и сотрудничества свободных наций — в своем движении, захватывает и нас. Все попытки разрешения этой проблемы пока не дают нужных результатов.

Новыми попытками за этот период были: первая — перестроить мир и вместе с тем разрешить национальную проблему на основе классовой идеологии общества и диктатуры пролетариата; вторая — разрешить проблему на основе сотрудничества народов че-

рез универсальную Лигу Наций. Результаты и той и другой налицо.

Первая из них — хорошо нам знакомая попытка «Севера» — привела к угрозе мирового пожара и всяких катастроф; вторая, попытка «Лиги Наций», в своей беспомощности никакого облегчения не принесла.

В результате этих попыток и их взаимоотношений — дѣление мира на два лагеря мировоззрений и фактических сил. Позиция «Севера» ясна в этом процессе. Он начал «агрессию» и эту инициативу не выпускает из рук до сих пор. Она и привела нас сюда, так сказать, ввела в здешний европейский мир. Мы явились сюда со дня оккупации «Севером» нашей страны, т.-е. с того дня, когда «Север» отказал нашей национальности в сотрудничестве с ним как свободного народа со свободным народом. И цель нашего здесь существования продолжать борьбу с «Севером», искать наше право перед мировым форумом, высмотреть в общем ходе событий течение, которое помогло-бы нам снова найти то, что отнял «Север»: Родину, Свободу, Труд и Право жить в мире с соседним миром.

Застали мы здесь тоже два лагеря: «до-

* См. «Кавказ» № 10/34.

вольных» и «недовольных» с их неодинаковым отношением к «Северу». Первыми декларировали наше положение и наши требования официальные наши правительства. Государства победители — довольные — склонны были слушать такие декларации и брали на себя довершить устройство мира через Лигу Наций на основе права и национальной свободы. Наши «представители» пытались давать директивы и указания «на места», чтобы согласовать действия там с положением и надеждами здесь. Отдельные из нас боролись в лагере «недовольных» в тех же целях. Это не было представительство, это были поиски понимания в лагере национально бесправных, переживавших последствия недавнего поражения. Яд «Севера» действовал тем сильнее, так как там было недовольство и была борьба.

«Север» уклонялся тогда от прямого и открытого участия в общем ходе событий. Он подрывал этот мир путем подземного взрыва, чтобы на его развалинах навязать ему свое решение социальных и национальных проблем и насильно установить везде порядок, навязанный нам военным вторжением. Таково оправдание нашей работы и в том и другом лагере. Но нужно было при всех обстоятельствах сохранить самое главное для нас — независимость, вес и достоинство нашей миссии.

С тех пор прошло для истории сравнительно немного времени, но изменилось очень многое. Необычайный темп нашего времени отложился и на нашей проблеме решительной сменой настроений, группировок и тактических приемов обеих сторон.

В результате нынешнее положение как будто не в пользу нас. «Северу» удалось «снять» наш вопрос почти со всех государственно-официальных позиций по линии «представительства», заключить международные торговые и даже военные договоры, связав нас в этих договорах унитарно с собой, а некоторые

из них даже обеспечив и гарантировав нашим добром (договор с Францией) и тем как бы фактически заинтересовав эти силы в удержании в нынешнем виде нашей проблемы.

«Север» занял видное положение в Лиге Наций, оттеснив своей тяжестью наш вопрос. Он пытается использовать Лигу Наций, как орудие сохранения своего господства нами и над всеми нерусскими народами Советского Союза. Это Литвинов вносит в женеvское учреждение проекты, претендующие быть международными обязательствами, законной силы против революционно-освободительных движений бесправных народов! И это доказывает, что борьба далеко не закончена: Москва ищет мировой поддержки против освободительных движений там; нам-же следить за борьбой и ее развитием — велено самим Богом.

Каковы досадные для нас уроки наших столкновений здесь с «Севером», что нужно устранить, что усилить в наших действиях, чтобы выполнить наше назначение во имя будущего?

Наши ошибки все те-же, что были и раньше, так искусно использованные «Севером», — они заключаются и здесь: 1) в нашем разброде, 2) в действиях наших «представителей» все по той-же партийной линии, в преобладании у них узко-партийных интересов над национально-государственными.

Как и там, мы не смогли создать общекавказское объединение, а тем более совместное действие. Не могли единодушно откликнуться и сомкнуться вокруг сильных позиций в нужные моменты. А таких моментов было не мало. Но каждый из них встречал нас совершенно разобщенными. Вопросы международно-хозяйственного значения сыгравшие такую роль в судьбе Кавказа и столь важные для будущего, мы пропустили, как какое-то частное дело держателей кучих крепостей. А проблема Грузии в Лиге Наций! Все это

ослабляло наши позиции, подвергало сомнению наше единство и солидарность в требованиях независимости Кавказа и в отношениях к «Северу».

Еще более роковой оказалась вторая ошибка — преобладание партийных интересов и идей над государственно-национальными. Не смогли наши «представительства» и попрежнему не хотели разграничить свои партийные и государственные функции. Это в особенности ярко выразилось в действиях грузинских меньшевиков. Защита вечных прав Грузии приносилась в жертву защите партийной гегемонии. Судьба страны была взносом социал-демократической партии во II Интернационал. Во времена большевистско-меньшевистских недоразумений между Интернационалами на почве различного толкования марксизма Грузия была жертвенным предметом борьбы, и грузинский вопрос — контрибуцией II Интернационала III в виде компенсации за «общий фронт» против фашизма и национализма!

«Север» учел это прекрасно, и в то время, когда мы усиливали партийную линию, отодвигая национальную миссию, он стал создавать иллюзию национального представительства советских национальных республик Кавказа. При всех полпредствах и торгпредствах Москвы были комитаты и сидели чиновники — представители этих «свободных» республик. В числе делегатов на конференциях того времени наряду с русскими появлялись и представители этих республик в эвас «независимости» их иностранной политики. Для большей иронии подбирались часто даже однофамильцы здешних.

В глазах толковых наблюдателей европейцев могло явиться представление, что борьба в сущности происходит между партиями на почве программ минимум и максимум. Такая концентрация сил на марксистских позици-

ях имела те последствия, что когда «Север» взял все эти позиции, остальные оказались давно очищенными. Мало утешительного в том, что осталось у нас знамя с лозунгом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» на грузинском языке — аншлагом органа грузинской правительственной партии в Париже!

Естественно, что когда был замечен промах и начались поиски объединения по иному принципу — желательных результатов это уже дать не могло. Мешал первородный грех: отсутствие национального духа. Кажется, общезвестен пункт, запрещающий договаривающимся сторонам входить не только в соглашение, но даже в соприкосновение с другими партиями и течениями в собственной национальной среде. Такие же попытки партийной исключительности хотели предписать отсюда и «там», на родине. Конечно, такое упорство играло только в руку врагам и укрепляло их позиции.

Но эволюция неизбежна. И «там», и «здесь» выросли настроения абсолютно-отличные от этого примитивного партийного язычества. Самое положение нашей «государственной» партии здесь очень характерно: более старое поколение, в их числе савовники «национального» правительства идут далее по линии марксизма и готовы восхвалять советские достижения, часть же более молодая находится в поисках утерянной национальной идеи и блуждает между марксизмом и монархизмом.

Оказались подверженными влиянию событий и национальные партии. В них зародились и стали расти настроения раньше неизвестные нашей политической жизни. Характерная и основная черта этого сдвига в национальном лагере та, что их идеи и мировоззрения складываются здесь под влиянием событий и мировоззрений, дающих вполне здоро-

вое осуждение идей, дел и роли «Севера». И это новое ближе и роднее отражает те настроения, которые направляют и у нас «дома» все против «Севера». Борьба с «Севером» неизбежна, лишь бы только не повторить старых ошибок, не действовать под влиянием партийных программ, а извлечь из прошлого опыта все необходимое, выдвигая вперед нашу историю, моральную силу, выдвигая все богатства и возможности страны, а не демагогические ресурсы той или другой партии.

За все время нашего здесь существования мы стояли и стоим лицом против «Севера», защищаясь от его агрессивности и здесь. «Юга» же, втянутого в борьбу против нас, мы не видели. Были две попытки, непосредственно коснувшиеся нашей проблемы. Первая была еще в чичеринские времена: Москва предлагала «Югу» на весьма соблазнительных началах южное Локарно в противовес женевскому учреждению. Тогда были еще «медовые месяцы» революции и делалось это под освободительными лозунгами. Вторая попытка — это конференция о проливах, — время когда уже иностранная политика «Севера» выступает без маски. Литвинов с редкой методичностью защищал позицию царской России аргументами, выработанными русским генеральным штабом и министерством иностранных дел во время последней войны на случай захвата проливов союзниками. Значение вопроса о проливах для нас — известно. Превращение Черного моря во внутреннее русское море наносит окончательный удар над нашей политической судьбой, отодвигая нас на положение внутренней провинции. Тут выяснилась еще одна деталь: кроме «Юга» показала свою заинтересованность в направлении нерусского разрешения вопроса великая морская держава; наша судья не лежала фатально только в кругу «Севера» и «Юга».

Не малого значения для нас был и первый факт. Не удайся тогда «Югу» расстроить план Москвы, русские клещи еще более зажали бы нас. Получив исключительное преобладание на Юге, Север смог бы защитить себя от тех влияний и перемен, которые приходится испытывать в связи с развитием событий. Не подлежит сомнению, что судьба многих прогрессивно-национальных движений, которые мы наблюдаем на Ближнем Востоке и Юге пошла бы иным путем. Идея религии, семьи, общества, порядка, собственности, существующие и нормально развивающиеся на нашем Юге, были бы стерты или по крайней мере затемнены и спутаны. Теперь они оказывают известное влияние и на нас и мы не имеем оснований вносить какую либо корректуру в движение этих событий.

Национальная проблема, основная проблема эпохи, нигде еще окончательно не решена. Борьба продолжается. Там «дома» мы непосредственно захвачены этим процессом. Не остается без влияния на нас, хотя бы только косвенно, и все происходящее здесь. Те колоссальные события, которые вот уже два десятилетия потрясают мир и захватывают нас с Севера совершаются не по революционному закону марксизма, не по этапам французской революции, — это великодержавные движения, против которых мы боремся.

Кавказ перестроился внутренне и оформил себя в своих политических стремлениях. Его цель — свержение ига «Севера» и освобождение от форм труда и общественных повинностей, насильно нам навязанных. В этом направлении Кавказ един и нет национальных и религиозных различий. Многое из прошлого пережито навсегда: нельзя уже вспоминать об утрате огромных помещичьих прав — грузинских или азербайджанских, — ни о потерях армянской буржуазии. «Создания»

нельзя восстановить — все это в исторической гробнице.

В борьбе с «Севером» Кавказу нужен спокойный, возможно его понимающий и к нему расположенный «Юг», занятый сейчас внутренним обновлением и нуждающийся в заселении многих пустых пространств Анатолии. Поэтому спорные территориальные вопросы могут быть разрешены по взаимному соглашению без вмешательства посторонних сил «Севера» или других краев.

Нам нужно быть очень осторожными в наших выступлениях, опровергая всякие неудачные действия и если даже мы не сможем идти в полную параллель с тем, что происходит там, то по крайней мере необходимо объединить здесь наши эмигрантские силы, а не действовать вразброд по нынешнему.

Шалва Карумидзе.

Изобилие плодов земных

(ИЗ СЕРИИ «ВЕЛИКИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ОБМАН» *)

Природные богатства той огромной территории, которую охватила Советский Союз, поистине неисчерпаемы и неисчислимы. Во всяком случае, неисчислимы, далеко еще не приведены в известность. Украина, Кавказ, Туркестан, Сибирь — все эти части сами по себе могли бы быть экономически прочными, богатыми и процветающими государствами. А российский север с его вековыми лесами, с его пушшиной и рыбными угодьями, Урал с его минералами, черноземные степи, золото, нефть, уголь, хлопок, — все, решительно все имеется на этой территории, — это могла бы быть самая удовлетворенная, самая сытая, самая счастливая страна в мире.

Поистине надо было умудриться сделать из нее то, что она ныне представляет собою, являя для каждого правдивого иностранца, даже руководимого приставленными к ним «гидами интуристов», зрелище убожества и нищеты, ни с чем несравнимое. Даже представи-

тели совсем маленьких европейских государств, совсем бедных, как Болгария, даже столь расположенные к России чехи — и те принуждены признать условия нормальной жизни российского обывателя совершенно невозможными и неприемлемыми для среднего европейца. Обстановка, в которой живет обыкновенный российский работник, все равно чем он занят — физическим или интеллигентным трудом, — была бы совершенно невыносима с точки зрения требований европейских. Это уже можно считать раз'ясненным, и других объективных свидетельств уже в сущности больше нет. Но только им далеко не всегда верят, имея рядом соблазнительные заверения заведомо лживой пропаганды, которая так легко оболочает всех недовольных у себя дома. Каждый готов верить тому, чему хочет верить, покуда не убедится на собственном опыте.

Очень объективный в своих оценках корреспондент газеты «Нейе Фрейе Прессе» Басхехс сравнивает средний заработок совет-

*) См. «Кавказ» № 9/33.

ского рабочего с таковым же заработком в крошечной Эстонии и бесплодной Финляндии, стране озер, гранита и низкорослой сосны. Казалось бы, смешно и сравнивать: что представляет собой необозримая Россия и что такое рядом — эти отделившиеся от нее северные республики. А между тем по отношению к цене главных продуктов питания эстонский и финский неквалифицированные рабочие получают в 7 и в 8 раз больше советских, а по отношению к цене обуви и тканей в 14 и 15 раз.

Все беглецы из советской России, перешедшие финскую границу, согласно утверждают, что как только оказывались они в маленькой лесной сторожке финского пограничника, так сразу у этого бедного скромного человека получали за его обычным столом в изобилии и сливочное масло, и белый хлеб, и горячее кофе с густым молоком — все предметы такой исключительной роскоши, которая доступна в нынешней России только самому незначительному меньшинству, только самым привилегированным в советской иерархии гражданам. Устроился русский народ после своей революции — нечего сказать.

Заработок 250 рублей в месяц считается уже выше среднего в Советском Союзе, а между тем на эти деньги семья в 4-5 человек может питаться только серым хлебом и картофелем. Такого рода свидетельства, совершенно точные и неоспоримые, потому что известны и нормы заработков и рыночные цены в России, стали уже, в сущности, общепринятыми, можно сказать, — примелькались. Кто намеренно утверждает другое или не хочет этому верить, не желая или не умея проверить сам, — это его дело, но и те, кто действительно это знают, — недостаточно вдумываются, недостаточно оценивают тот абсурдный трагизм, что до этого доведена именно раскинувшаяся на два материка террито-

рия неисчисленных еще богатств, которые когда и разрабатываются, то идут не на творчество, а на разрушение.

Население живет хуже, чем где бы то ни было, старея и умирая раньше времени, при этом в своем большинстве население сильное и живучее молодого еще по крови народа, живет в рабском состоянии полуголода и вечно-го трепета, занимая самую большую в мире государственную площадь, полную видимых и невидимых богатств и возможностей. Право, становится страшно, когда об этом серьезно и глубоко подумать: тут есть нечто до того парадоксальное, что наш человеческий разум уже отказывается дальше понимать, — веет какой-то чертовщиной, дьявольским навожде-нием.

Во имя чего же, в конце концов, проделывается этот страшный опыт? Кому он нужен? Каким задачам и целям он служит? Есть ли это еще продолжение болезненного бреда безумца Ленина или тут имеется какая то другая руководящая воля, прямо таки враждебная всему человечеству?

Ведь это мало того, что трудящихся крестьян насильно загоняют в ненавистные им колхозы, что людей заведомо обращают в рабство, отбирая плоды их трудов, и целиком все население делают непосредственно зависимым от маленькой кучки международных преступников, создавая самую худшую и злостную олигархию, когда либо существовавшую в мире, но еще вся эта сатанинская работа порабощения преподносится, как величайшее в истории социальное творчество самой действительной свободы и всеобщего земного блага.

Российская революция имела, конечно, свои вполне законные причины, — можно сказать, что при известных условиях она становилась неизбежной. Но до чего извращено это слепое и стихийное народное движение руко-

водителями международного коммунизма, в какие невероятно уродливые формы оно вылилось! Эти два фактора — национальный и коммуномеждународный — все время совместно сказываются в советской России, переплетаясь между собою, иногда расходясь, иногда почти сливаясь. Мировой коммунизм — это часто лишь орудие московского великодержавия, но и великодержавие Москвы — опора и база мирового коммунизма. В минуты опасности, какая наступила теперь, в особенности в виду испанской гражданской войны, где два течения на смерть борются за преобладание на европейском западе, необходимо было слотить силы: национальная Москва и мировой коммунизм — это в данное время и в данном месте одно и то же.

И вот самый нищий, самый обездоленный и несчастный народ на всем земном шаре оплачивает советское вмешательство в дела Испании, чтобы подчинить сознательно обманываемых испанцев все той же отвратительной власти заведомых врагов всякого человеческого благополучия. Если бы только действительно знали умирающие под Мадридом милиционеры, кого на самом деле они защищают и какая грозила бы им участь безысходного несчастья в случае их собственной окончательной победы! Если бы подозревали, какую священную национальную миссию осуществляет для них же самих бомбардирующий столицу генерал Франко!

Но несчастные народы советской России вот уже почти два полных десятилетия живут под этим страшным игом, потому что самый многочисленный и подавляющий из них, переживающий еще до сих пор свою историческую революцию, в свое время не нашел в себе ни достаточно творческих сил, ни сознательных и смелых вождей, которые спасли бы его от порабощения врагами человечества. Он слепо пошел, как бабочка на огонь, на искус-

ственный свет того чудовищного, дьявольского обмана, в котором теперь выросло уже целое новое поколение, ничего другого не видевшее, и уже зарождается и начинает развиваться еще новейшее, следующее.

Теперь мало по малу, здесь в Европе, все это уже выясняется с большей и большей отчетливостью, разоблачается всеми беспристрастными, незаинтересованными свидетельствами даже тех, кто поддавался еще недавно на инсценированную в мировом масштабе лживую рекламу. И параллельно с этим всякая «мода на советскую Россию» начинает проходить даже в так называемых «авангардных» кругах общества, в тех, где делается карьера на передовых идеях, где боятся отстать от якобы последних достижений человечества. Советскую Россию уже не обязательно считать таким передовым достижением, — можно открыто говорить даже об ее варварстве и убожестве.

Недостатка в таких правдивых свидетельствах теперь нет, и перебежчиков из сочувствующего московскому коммунизму лагеря все больше и больше. Даже француз Андре Жид, еще так недавно славословивший новую Россию, этот столь чуткий к модным веяниям писатель, считает сейчас возможным, в только что вышедшей книге своих российских впечатлений, за полной своей подписью заявить, что нигде нет такого террора и рабства, как именно там, что это страна лишений и неравенства.

Таких свидетельств сколько угодно, и исходят они часто не от врагов, а от вчерашних друзей. Один повествует о том, что лишь попав после России в Ригу он понял, что вырвался, наконец, из ада или, если хотите, из дома сумасшедших, — другой говорит: «безработных там может быть и нет, но наши безработные живут много лучше тамошних рабочих», а третий добавляет: «это уже не ра-

бочие, это — рабы». А вот еще такая характеристика: «народ, который всегда голоден и всегда дрожит от страха». «Вчетверо дороже жизнь, чем во Франции», — таково еще одно заключение, — а ведь известно, что Франция сейчас страна очень дорогая в Европе.

И когда корреспонденту рекламируют роскошно отделанное московское метро — это «чудо подземного строительства», то он прежде всего обращает внимание на дырявую обувь и заплатанную одежду пассажиров. Восторги по поводу Днепростроя и других гигантских сооружений, «перегнавших Америку», тоже кончились, потому что даже в советских газетах можно найти постоянные жалобы, что Днепрострой не дает тока, — турбины сплошь и рядом стоят без движения, а трубы закрыты.

В московских магазинах, даже тех, что показывают туристам, по общему отзыву — грязь и беспорядок. Смешно хвастаться такими магазинами — говорят потом эти туристы. В любом европейском городе, на каждой улице, магазины и лучше и несравненно дешевле.

А чуть немного побродить самому — картина общего и полного убожества разворачивается все шире и шире. Население мирится с чем угодно — с отсутствием самых необходимых товаров, с бесконечными очередями у лавок и трамваев, с гнилыми и грязными продуктами, с одной кухней на несколько квартир, с отсутствием отопления, света, воды, с дырявыми потолками и развороченным полом. Починить обувь — это целая процедура: в так называемой «американской починочной мастерской» в Москве надо записываться на очередь и через месяц получаешь обратно ботинки иногда совсем не починенными, иногда спутанными и непарными, иногда выкрашенными в какой-то буро-грязный цвет.

А вот фабрика-кухня (чего стоит прежде

всего это коммунистическое имя, такое соблазнительное, аппетитное!) — по Можайскому шоссе под Москвой монументальный дом: светлые залы, холодильные камеры, огромные котлы, стекло, кафель, паркет. Но в каком виде: грязная, затопанная лестница ведет в общий зал, раздеваться негде, сидят за столами в пальто и в шапках, вместо скатертей дряная клеенка. Пожелтевшие от накопившегося осадка графини с водой открыты, пробок пет, в солонках крупная, грязная соль и выдохшаяся пыльная и прилипшая, горчица. Железные изогнутые вилки в зубцах, скользкие от жира, почерневшие ложки вызывают отвращение одним своим видом, ножей не полагается вовсе — кусай. О качестве еды, конечно, распространяться нечего.

Таков образцовый ресторан — достижение коммунизма.

Есть в России, по американскому примеру, и похитители детей. Но эта профессия приняла там своеобразно-местный вид, преследуя цели, соответствующие данным бытовым условиям. На выкуп рассчитывать нечего, и часто родители были бы даже рады вовсе избавиться от ребенка, но похитители это, конечно, понимают, и дело сводится лишь к тому, чтобы раздеть несчастного похищенного или завлеченного, присвоить его одежду и потом нагишом выпустить ребенка на улицу — пусть добирается, как знает и куда знает.

Всего этого теперь уже в Европе не замалчивают. И тем не менее надо повторять еще и еще, чтобы правда раскрывалась все шире, советская власть очень не любит этой правды, в особенности когда она исходит из той среды, которая еще вчера считалась дружественной и сочувствующей. Тут уж нельзя сказать, что это клевета «фашистов», и недаром целой группе левых французских журналистов было недавно отказано в разрешении на приезд в Россию, в качестве туристов, несмотря

на то, что организатором поездки был сотрудник «Юманитэ». Подальше от греха — придут, увидят, да еще потом кое-кто из них наговорит лишнего.

Владеть всеми богатствами такой огромной территории, раскинувшейся на два материка, богатствами Украины, Кавказа, Туркестана, Сибири — и презирать в этой жалкой безысходной нищете — таково подлинное соци-

альное творчество коммунистической власти за эти 19 лет.

Мы мельком коснулись только материальной стороны вопроса, но есть еще моральная — и это, пожалуй, еще страшнее.

Бедные, бедные народы, которым суждено было историей разделить, участь коренной России, так легко принявшей эту власть!

В. Оленич.

Печальная страничка недавнего прошлого Грузии

1.

Ной Жордания написал характеристику Сталина. Характеристика эта не есть ни сочинение о человеке, в подлинном смысле слова, ни просто книга, какие пишутся теперь о Сталине в таком изобилии, а только, внушительных размеров, газетная статья, явно раздраженного тона. Но статья Ноя Жордания интересна и так. Жизнь как то нелепо сопоставила Жордания и Сталина — двух грузин, но двух марксистов, двух представителей двух кланов, чуждой для Грузии, русской социал-демократии, куда грузинские и русские марксисты входили вместе. Им бы следовало быть вместе. Но Жордания стал грузинским президентом, а Сталин — российским диктатором, вдохнув в себя и Грузию. Сталин является всемогущим главой III Интернационала, Жордания — увы! уже эмигрант и бедный клиент II Интернационала. Единодушие этих Интернационалов ныне вне всякого сомнения. Но игра между Жордания и Сталиным, попрежнему, ведется в таких мизансценах, что они долго еще будут казаться врагами.

Между тем, во всей этой истории размычки партий и смычки Интернационалов, каким то не грузинским способом, но самым трагичным образом, Грузия оказывается при чем то!

В чем дело? Можно ли утверждать, что причиной ссоры Жордания со Сталиным является марксизм, эта пустота, эта голь пережатая, в который, по возрасту лет и бурь пережитых ими, пора уже перестать верить? Руставели говорит: не все люди подобны друг другу, большой лежит путь от человека к человеку! Быть может причина в этом, быть может в другом... Но среди моих соотечественников я знаю многих, которые часто задают себе вопрос: как сложилась бы судьба Грузии, если Жордания не проповедывал бы у нас марксизма, а нашу независимость возглавил бы Сталин, человек могучего характера, как утверждает и Жордания? Статья Жордания, конечно, не ответ на подобный вопрос, но с некоторым удалением, в ней все же рассказана малая история причин и обстоятельств, в силу которых Сталин стал не только марксистом, но и главой большевизма, при

котором Грузия снова стала добычей России.

Это было в конце 1898 года, в Тифлисе. Жордания редактировал марксистскую газету «Квали». В один прекрасный день к нему, в редакцию, зашел неизвестный ему юноша, назвавшийся Джугашвили, семинаристом, и просил выслушать его. Джугашвили сказал: «Я преданный читатель вашего журнала и ваших статей. На меня все это производит сильное впечатление. Я решил бросить семинарию и заняться распространением этих идей среди рабочих. Пришел спросить вашего совета».

Как говорится, на ловца и зверь бежит. Это было время, когда пропаганда марксизма в Грузии только что начиналась. Жордания нужны были пропагандисты. Но прежде чем сразу одобрить планы своего незнакомого единомышленника, Жордания решил проверить сначала «умственный багаж» гостя. Завязалась беседа. Редактор задавал вопросы по «истории, социологии и политической экономии», молодой семинарист отвечал как умел. После получасовой беседы, Жордания стало ясно, что все марксистские познания его гостя исчерпывались содержанием статей «Квали», да еще знакомством с «Эрфуртской программой» Каутского.

Кажется с молодого Джугашвили достаточно было и этого, а для самого Жордания и лестно, что Джугашвили был совсем его идейным питомцем. «Эрфуртская программа» — своим чередом! Но самой вздорной амбицией марксистов всегда было — думать, что для усвоения «классовой теории» Маркса, необходимо еще знание и Гегеля, и Фихте, и Дарвина, и Спенсера, и Авеариуса, и Маха, и тысячи других мудрецов старого и нового мира! Это кривляние марксистов с науками и философами, привело их к тому, что и учение свое они начали величать не иначе, как «научным социализмом». Впоследствии, из

этого «научного социализма» выдвинулся Сталин, каков он есть — глава мировой социалистической революции! Но тогда, тридцать восемь лет тому назад, Жордания имел неосторожность не только проглядеть в Джугашвили будущего Сталина, но и посоветовать ему — не порывать пока с гимназией и обеспечить существование абитуриента семинарии употребить на исполнение недостающих для революционера «знаний». Джугашвили на это ничего не сказал и, проговорив, что об этом он подумает у себя дома, ушел.

Встреча знаменательная, а после признания Жордания, и историческая! В любви подобная «непонятая встреча» означает — женитесь уже на другой, порой даже удачно. Но в политике она ведет к крупным неприятностям и часто на всю жизнь. Жордания это знает лучше многих!

2.

«Неприятности» эти сказались весьма скоро. Прошло шесть месяцев. Жордания даже забыл, как некий семинарист провалился у него на экзамене «истории, социологии и политической экономии». Но в один вечер, от своего друга и главного организатора марксистских кружков в Грузии, покойного Силибисто Джибладзе, он с удивлением узнал, что этот Джугашвили, по его, Джибладзе, вине, давно уже хозяйничает в одной из рабочих ячеек и что особенно замечательно, ведет агитацию не против «самодержавия и капиталистов», как его об этом учили, а против «тифлисского комитета». К сожалению, Жордания ничего не говорит, как удалось молодому Джугашвили убедить осмотрительного Джибладзе, пустить козла в огород. Но остальное само собою ясно. Получив доступ к рабочим и, в особенности, после своего «знакомства» с Жордания, Джугашвили, конечно, не мог не по-

ведать рабочим, что «тифлисский комитет», не революционная организация, долженствующая подготовить рабочую революцию, а факультет социальных наук, который нужно немедленно свалить.

Джугашвили был быстро ликвидирован. Однако, притягательного пропагандиста это раскололо мало и он уехал в Батум.

Батум, в это время, переживал период своего экономического подъема. Нефте-наливные заводы Ротшильдов, Нобеля, Манташева и других притягивали к городу большое число грузинских крестьян, из которых грузинские марксисты комплектовали «промышленный пролетариат» Грузии. И крестьянам и марксистам жилось хорошо. Одни выгоняли хорошие заработки, другие делали хорошую пропаганду. Плохо жилось в Батуме только «капиталистам», пока, изведенные частыми и прямо безрассудными забастовками, они не были вынуждены покинуть Батум и свои заводы перенести в Египет — Александрию. Таковы были первые плоды марксистской пропаганды в Грузии. Это я говорю уже не из воспоминаний Жордания о Сталине, а из истории рабочего «движения» в Грузии.

Верный себе Джугашвили приехал в Батум и, как рассказывает Жордания, минуя Исидора Рамишвили и покойного Карло Чхеидзе, главарей местных рабочих организаций, снова ухитрился попасть в самую гущу «пролетариата».

Чудный город, кокетливый порт — расцветивший всеми флагами «капиталистического» мира, море, где, в случае стеснительных полицейских обстоятельств в самом городе, можно назначить каких угодно размеров митинг на лодках — были и такие случаи! — и, в особенности, этот восхитительный батумский бульвар, по которому, лет сорок тому назад, по праздникам «рабочие» все еще гуляли в черкесах с кивжалами и «при шашке» —

это ли не революционная обстановка, это ли не революционный элемент! И Жордания рассказывает, как, в один прекрасный день, плотно засеивший среди них Джугашвили, всю эту живописную средневековую публику погнал на батумскую тюрьму, кстати, расположенную тут же возле бульвара, с «видом» на море. Для чего? Возможно, что освобождать арестованных смертников! Но была причина и более постоянного характера. Жордания говорит, что марксисты, в то время, были против таких выступлений. Но Джугашвили не знал куда девать свою революционную энергию и марксистов, не одобрявших подобных революционных выступлений, просто называл трусами.

Произошло побоище. Анри Барбюсс говорит, что в этой демонстрации было 14 убитых, 45 раненных и 450 арестованных, хотя считает, что по замыслу Сталина, она должна была быть совершенно мирной. Вины, стало быть, власти, но против цифр трудно возражать. Жордания вспоминает, что возмущение среди рабочих было такое сильное, что Сталина чуть не объявили провокатором. Положение, однако, спас его арест. Он был сослан в Сибирь. Это даже подняло его в глазах рабочих. Из общего числа его шести заточений, это было первым.

3.

Таково начало политической карьеры Сталина. При этом необходимо отметить, как это делает и Жордания, что в то время не существовало еще ни большевизма, ни последующей дружбы Сталина с Лениным и Сталин представляется нам стопроцентным Джугашвили, таким, каким он ушел из семинарии, чтобы распространять среди рабочих идеи Маркса. Как расценивает его Жордания?

«Таким образом — говорит он — свою по-

литическую карьеру Сталин начал с малыми познаниями, но большими претензиями. Этот юноша захотел быть лидером вначале же, но так как на это у него не было никаких заслуг, то решил возвыситься себя путем унижения лидеров. Он не был оратором, говорил монотонно, заученно и обращал внимание на себя частым употреблением крепких выражений. Не был он и писателем, публичным излагателем и защитником принципов и директив. Для него оставалась одна сфера — организаторская, в которой он обосновался твердо и решил очутиться во главе через этот путь. Тут то он проявил редкую крепость духа, отвагу и преданность».

Эти слова Жордания, быть может и годные для поверхностной характеристики Сталина, выдают и личные вкусы самого автора. Сам он выглядит признанным писателем — лидером революции. Сталину отводится только «сфера» организатора. Но так ли уж это мало, если Сталин сумел доказать, что революцию можно возглавить и будучи «только» организатором, Жордания не дает себе труда подумать над этим. Он только ошеломлен этим. Эту ошеломленность всех лидеров российского марксизма и, кстати, в особенности Троцкого, можно только сравнить с растерянностью публики на скачках: ждали «фаворита», того, кто больше говорил и писал о революции, а пришел «фукс» — кто не был, «ни оратором, ни писателем»! Это сходство профессиональных революционеров с конским табуном, где заранее никогда не известно какой жеребец кого перебежит, это сходство революции с конюшней, без заранее освященных прав на то — кому быть в революции первым и кому последним, для революционеров всегда служило поводом, расстреляв сначала народ, перестрелять потом и друг друга и все это из за зависти.

Это желание Жордания подчеркнуть, что

революцию должны готовить и возглавлять апостолообразные проповедники и просвещенные писатели, не оправдывается никакой историей и в революции это бывает каждый раз наоборот. Робеспьер, беспятый оратор и совсем никакой писатель, казнил жирондистов — лучших «ораторов и писателей» французской революции. Доказательством тому может служить участь Верньо, Бриссо и отравившегося до гильотины — Кондорса. Нечего и говорить о Лавуазье и Андрэ Шенье, относительно которых революция просто заявляла, что в них она не нуждается.

Так обстоит дело по существу. Но Жордания не прав и формально. Если уж дело пошло на то, то правильнее было бы сказать, что революция нуждается не столько в ораторах и писателях, сколько в некоторой неустойчивости языка и пера, безразлично каких качеств и, с этой стороны, Сталин побил и многих заправских ораторов и писателей революции. За годы революции вышло несколько томов сочинений и речей Сталина. Умел он писать, кажется, и до этого. Но Сталин «писатель умный». Он прекрасно понимает, что пять его побегов из Сибири в революции значать больше, чем пять и десять томов любых сочинений.

4.

С 1903 года в русской социал-демократии намечается раскол и партия делится на препирающиеся друг с другом фракции: большевиков и меньшевиков. Бежавший, к этому времени, из Сибири Сталин примыкает к Ленину. По этому поводу Жордания замечает, что «практик» Сталин нашел своего «теоретика». Но с успехом можно было бы сказать и обратное, что это «теоретик» Ленин нашел своего «практика». Тем временем, фракционная борьба между большевиками и меньшевика-

ми и революция 1905 года нарастают параллельно. Кажется это было тогда, что меньшевик Троцкий писал: у большевиков три публициста; Ленин и Каменев работают пером, а Зиновьев — отмычкой! Из этого видно, что и Троцкий не относил Сталина ни к какому разряду публицистов. Сталин в это время находится то в Тифлисе, то в Чхатуре, то в Кутаисе, то в Баку, то в тюрьме и ссылке, откуда он бежит каждый раз. В нужный момент его можно встретить и в Петербурге, где по словам Жордания, ведет интригу в думской фракции социал-демократов. Бывает он и на конгрессах партии, устраиваемых в разных местах Западной Европы. Но как заверяет Жордания, приезжает с мандатом, который каждый раз оспаривается конгрессом. Это опорачивание мандатов противника, видимо, основная черта всех левых конгрессов и парламентов, составленных по принципу «народного фронта». В этом нас убедила недавняя практика нынешнего левого французского парламента. Но это лишь отдельные штрихи биографии Сталина. Большой мазок сталинского характера и его методов революционной борьбы, Жордания дает немного ниже:

«Среди грузинских большевиков — продолжает он — к этому времени наметились два направления: одно политическое во главе с Шаумяном, другое разбойниче-бандитское во главе со Сталиным... Сталин создал свою собственную группу, вполне ему послушную и целиком от него зависящую. В эту группу входили исключительно «ударники»-маузеристы, назначением которых была не политика, а «экс» — грабеж казны. Добытые деньги переправлялись Ленину. Сам же Сталин оставался попрежнему без денег, не одетым, живущим в нужде, но остающимся все время на своем посту. Этим он сильно отличался от остальных большевиков-интеллигентов, любивших теплые места, личную выгоду и хоро-

шую жизнь (Шаумян, Махарадзе, Мдивали, Кавтарадзе и др.)».

В этой тираде Жордания, очевидно, речь идет об известном «действе» Сталина и его группы, на Эриванской площади, в Тифлисе. Дело громкое, обезжавшее весь мир! Но какими фактами жизни снабжать биографию «замечательных людей» и что нужно «опускать» в них, для сохранения благопристойности героев, это было труднейшей загадкой для биографов всех времен, начиная от Плутарха и Светония и до наших дней. Не лучше обстоит дело и у биографов Сталина.

Анри Барбюсс, например, о тифлисском «действе» Сталина совсем умалчивает, Борис Суварин, наоборот, говорит обо всем, а третий его французский биограф — Максимилиан Готье, тот идет еще дальше и не прочь думать, что Сталин «пускал» в оборот и фальшивую монету. Эти «недолеты» или «перелеты» биографических снарядов по Сталину, одни намеренные, другие просто результаты дурного прицела, вещь естественная, если иметь ввиду, что пишется биография не арфянки из модного оркестра, а Сталина, к которому отношение людей самое разнообразное. Жордания, бьющий всегда в середину, мог бы быть самым назидательным рассказчиком о Сталине, если бы его не связывали марксизм и революция, общие у него со Сталиным. Поэтому его старания направлены не только к определению того, какие дали в лице Сталина результаты марксизм и революция, сколько к желанию отделить «порочного» Сталина от марксизма и революции, не утративших еще для Жордания права на честь. Ради этого он не отказывается от усилий отделить Сталина от самых большевиков. Хорошо, например, «политический» Шаумян, предпочитавший голоду, тюрьме и ссылке Сталина «хорошую жизнь» интеллигент-большевика. Еще лучше, чуть ли не демокра-

тический Ленин, «допускавший» в партии свободное обсуждение вопросов (об этом он говорит в другом месте статьи) и не приемлем только один Сталин!

Но усилия эти тщетны. Сам Жордания пишет о том, что деньги добытые до копейки переправлялись Ленину. Господа «политические большевики» вроде Шаумяна или «демократы» вроде Ленина жили, проповедывали марксизм и готовили революцию за счет «разбойников-бандитов». Но разницы нет не только между ними, нет разницы между большевизмом и марксизмом, между большевистской революцией и социалистической революцией. Либо марксизм есть революционный образ действий и следовательно самое реальное насилие, нуждающееся в таком удачливом насильнике как Сталин, либо вместе со Сталиным неприемлем и марксизм.

Но такой выбор не по вкусу Жордания. Он предпочитает хоронить Сталина одного, без всякого разряда. Нет подушек, шествующих во главе похоронной процессии, на коих покоились бы эмблемы заслуг Сталина: «торжество марксизма» и «революция». В этом и вся причина, что похороны, устраиваемые главе мировой социалистической революции бедны и безцветны.

В статье Жордания есть и другие места, заслуживающие внимания. Отмечаю их вкратце, ввиду того, что затянулась и моя собственная статья. Жордания рассказывает о том, как, после поражения революции 1905 года,

Сталин и другие большевики Грузии были того мнения, что нужно было спасать себя, а не народ, который сам сумеет отстоять себя. Меньшевики возражали против этого и предлагали «остаться» с народом. Но прав был опять таки Сталин, а не меньшевики. Спасать народ, который никогда сам не делает революцию и «губить» профессиональных революционеров, этих подлинных загонщиков народа в революцию — это означает, делать революцию на изнанку. Некоторое замешательство мысли обнаруживает Жордания и в том месте своей статьи, где он разносит русских большевиков за то, что они были только ораторами, писателями и, вообще, «теоретиками», не знавшими никакой революционной «практики». Но у него же Сталин оказывается виноватым в том, что он был только «практиком». Совершенно особо нужно выделить мысль Жордания о том, что имей Сталин против себя таких прославленных «организаторов» меньшевизма, как покойные Ной Рамишвили и Ной Хомерики, а не исключительно русских меньшевиков и большевиков, он не сумел бы одолеть их и российская революция получила бы иное направление. Но всем известно, что Сталин взял Грузию именно в то время, когда во главе ее стояли именно эти меньшевистские организаторы, а не кто либо другие.

Но долго останавливаться над подобными размышлениями Жордания не следует.

III. Амирджоби.

Мемуары ген. Муса Паши Кундухова

Глава восьмая *)

Чеченские и карабулакские почетные люди. — Опасения командующего войсками. — Воспомоществование бедным переселенцам и выступление первой партии. — Выезд мой из Владикавказа в Турцию. — Прощание мое с Карцевым. — Встреча с кн. Григорием Орбелианом. — Просьба некоторых из грузинских князей.

Не желая своему потомству подобной участи и обаяв некая ему отечество и выбор мой, как мусульманина, пал на Турцию, где безукоризненно слившись сердцем и душой с османлы оно будет с ними делить скорбь и радость своего отечества, имея по умственным способностям своим открытую дорогу к ныншним государственным должностям.

А здесь стыдно и грешно нам слиться с врагом, лишившим нас отечества и всех прав.

— Согласитесь, продолжал я, — что мы горюем и опасаемся не за себя, а за будущее (за потомство). Оно ни в коем случае не поставит нам в вину, что слишком столетняя кавкавказская война лишила нас национальности, но непременно будет укорять нас, если мы под предлогом родины (которая уже нам не принадлежит) оставим его здесь без отечества в глубоком унижении.

Одним словом, безотрадно окинув взглядом будущность нашей родины, я нахожу ее для нас невыносимо гадкой и душной и потому разум требует от нас из двух зол выбрать меньшее.

Они все без малейшего возражения согласившись переселиться, спросив только, переселение совершится морем или сушею?

Я объявил им, что переселение совершится сухим путем по военно-грузинской дороге и со всеми удобствами.

Они остались очень довольны и поклялись готовиться к переселению, не делая беспорядков в крае.

Саадудле я приказал внушить переселенцам не трогаться с места, пока не переселятся все мои родственники с моим семейством.

Командующий войсками, опасаясь восстания, имел почти во всех аулах лазутчиков, которые как всегда в таких случаях бывает, снабжали его и его начальников округов тревожными слухами, до крайности Лориса изнурившими.

Вследствие сего он, 28 апреля, через брата моего Афско сообщил мне все свои опасения, прося поторопиться отправлением моего семейства. Будучи обрадован, я потребовал от него скорого назначения комиссии для оценки моего недвижимого имущества, состоявшего из 3.800 десятины *) удобной земли и дома из тесанного камня с флигелями, башней и фруктовым садом в ауле на южной покато-

*) Родовое имение отца моего на Гизеле в количестве 10.000 десятины, на основании существовавшего произвола, безвозмездно отнято у него правительством и передано казакам Архонской станицы.

*) См. «Кавказ» №№ 1/25, 2/26, 3/27, 4/28, 5/29, 8/32 и 10/34.

сти кабардинских черных гор Скутыкахе и по оценке выдать мне за них от казны комиссией определенной суммы.

Лорис донес об этом ген. Карцову, от которого получил ответ: принять все меры возможные, чтобы остановить личное мое переселение, а если нужны деньги для успешного переселения, то выдавать из сумм, состоящих в его распоряжении.

Лорис читал мне это письмо и вместе с тем предложил мне от имени Великого Князя шесть тысяч десятин земли по выбору моему около Пятигорска и кроме того щедрые царские награды, если я останусь, а переселение чеченцев состоится, так как желает Его Высочество.

Лорис, убедившись, чтобы подобными предложениями он только оскорбляет меня, снял маску свою как перед начальством, так и перед мною и написал Карцову истину, что переселение ни в коем случае не может состояться, если ген. Кундухов не будет во главе его и что Кундухов, раз переселившись в Турцию ни за какие выгоды не вернется назад. *)

Тогда последовало приказание Великого Князя, чтобы не назначал комиссию удостовериться в действительной ценности моего имущества и выдать мне оценочную сумму. Лорис взялся за свое ремесло и начал со мною торговаться. По всей справедливости мне следовало получить по самой меньшей оценке за каждую десятину не менее пятнадцати рублей, то есть 57 тысяч рублей, а за дом 25 тысяч, всего 82 тысячи, но я получил 45 тысяч депозита и был доволен, потому что был

*) Как я слышал от Лориса Великий Князь Михаил, спрашивая о моем увольнении Государя Императора, получил следующий ответ: «Уполномочиваю тебя во всем для того, чтобы ни я, ни Европа не услышали ни единого выстрела с Кавказа».

готов бросить свое имущество, как бросали другие горцы, дабы избавиться от русского правительства. *)

Кроме того я потребовал от них 10 тысяч рублей для воспомоществования бедным переселенцам. Когда Лорис убедился, что сумма эта была недостаточна и что я сделал расход из своих денег, то отпустил еще две тысячи рублей и предоставил переселенцам всевозможную помощь по пути их следования.

Первая партия с семейством и родственниками моими была отправлена из Владикавказа 25 мая. Затем, каждый раз пропуская один день, выступали другие партии и таким образом отправив до трех тысяч дворов, я остальных поручил набу Саадулле, а сам с тяжелым чувством и сокрушенным сердцем простился с милой родиной.

Обратился к Всевышнему с усердной мольбою дать мне возможность в числе турецких войск с правильно устроенными мухаджирскими войсками вернуться на Кавказ и избавить его от ненавистного ему правительства.

Хотя нет ничего приятнее как видеть слезы старцев, выражающих чувство привязанности и признательности, но я не мог позволить себе испытать это удовольствие, справедливо опасаясь, что начальство будет преследовать всех тех, которые при прощании со мной, понимая свое положение, невольно покажут чувство скорби при наряде, собравшемся со мною проститься.

Я выехал 8-го числа июля месяца до расвета. До первой станции меня сопровождал только зять мой полковник (ныне генерал) Магомет Дударов.

9-го я приехал в Тифлис и в установлен-

*) Горцы русских любили и скоро с ними сдружились, не питая к ним вражды, но нельзя было любить и терпеть меры, которые принимало правительство без всякого правосудия.

ном порядке подал там в отставку от службы.

18 июля выехал из Тифлиса с родным и племянником моим Темирбулатом *) и приехавшими к отъезду нашему из корпуса братом его кадетом Канбулатом Мамсуровым.

Когда я прощался с ген. Карцовым он потребовал от меня честного слова, что в случае войны я не буду участвовать в войсках против русских.

Ясно объяснив и доказав благородному Карцову, что если я буду служить в турецкой армии то должен идти туда, куда меня пошлют, я отказался от его предложения. Затем он потребовал от меня не писать из Турции на Кавказ письма к горцам с призывом к мятежу.

Писать к ним письма с призывом к возмущению без крайней в том надобности значит желать народу гибели, а потому я охотно дал ему слово, что не только не буду посылать таких писем, но и вообще ни о чем и никому из туземцев не буду писать без крайней нужды.

Что я считаю крайней нуждою он меня не спросил и я не имел надобности объяснять.

Генерал Карцов воспитывался со мною в Павловском кадетском корпусе и в одно время, в 1836 году, мы были произведены в офицеры. Он, как первый ученик во всем корпусе, был выпущен в гвардию и взаимно питая ко мне чувство дружбы, советовал мне окончить переселение и вернуться назад и остаться на Кавказ, получить хорошее имение в Западном крае, где, как он выразился, правительство очень дешево покупает от поляков и что я имею право как за прошлую службу мою, так равно и за настоящую услугу полу-

чить в награду имение, за которое наследники мои будут меня благословлять.

— Все твои советы, Александр Петрович, сказал я, понимаю и чувствую, что они вызваны опасением за мою будущность в Турции, но если бы ты знал мое душевное страдание неволью мною скрываемое и от этого еще увеличивающееся, то ты сказал бы мне тоже самое, что говорит мне мое сердце: «Поезжай скорее в Турцию», куда я уже, как видишь, приготовился и еду.

— Ох, любезный друг, сказал он, — право боюсь, чтобы ты не попался в просак.

— Проще того, к чему я себя приготовил быть не может. Я готов жить там в землянке, чем здесь в хорошем доме, который Лорис, пользуясь случаем не постеснялся взять у меня за половинную цену.

Карцов из любви ко мне был тронут. Мы дружески обнялись и навсегда расстались в Когорах. *)

Возвращаясь назад в Тифлис на половине

*) Генерального штаба капитан Зеленый был из Тифлиса командирован в Эрзерум наблюдать, чтобы турецкое правительство не селило чеченцев близко к русской границе. В одно утро он зашел ко мне на квартиру и передав поклон от Карцова сказал: «До Александра Петровича дошел слух, будто вы не довольны турецким правительством и готовитесь вернуться назад. Он слухом этим очень обрадован и просит вас, чтобы вы ради своих детей вернулись назад и получили награду, обеспечивающую вашу будущность. Он ждет вашего ответа». — Не написали ли вы, спросил я капитана, в Тифлис комунибудь подобное? — «Нет», сказал он. — Если это так, то вот мой ответ: В Кочорах я расстался с Александром Петровичем навсегда с чувством искренней дружбы и благодарности и постоянно буду питать их к нему. Что же касается до моего возвращения на Кавказ, то я скорее здесь соглашусь на свой смертный приговор, чем вернуться назад и получить там награду, которая поставит меня перед честными людьми ниже всякого пресмыкающегося. Я уверен, что и благородный Александр Петрович не пожелает этого своему однокласснику, искренно его любящему. — М. К.

*) Темирбулат Мамсуров — поэт; оставил на осетинском языке замечательные стихи. Рукопись его стихов, к сожалению, утеряна в Турции. — Ред.

дороги я встретился с тифлисским генерал-губернатором кн. Григорием Орбелiani, *) ехавшим из Тифлиса в Кочоры. Оба экипажа наши остановились. Я выскочил из своего и подошел к нему проститься и поблагодарить за ласку, которую он мне постоянно оказывал и увидел, что из глаз его градом покатились слезы: «Бог с тобой!» — мог только выговорить он, и приказал экипажу своему тронуться.

Оставшись один на дороге я сначала сильно был озадачен скорым его отъездом. Потом понял его так, что он не захотел иметь кучеров и людей наших свидетелями его сильного смущения и невольных крупных слез.**)

Некоторые из заслуженных генералов грузинских князей просили меня передать их поклоны Али-паше и уверить его, что народ грузинский теперь лучше знает Турцию и не так ее боится, как боялся когда то. Один из них наиболее влиятельный и популярный в народе, готов был перейти в Турцию, если найдет себе приличное гостеприимство.

*) Генерал-адъютант князь Орбелiani — известный грузинский патриот и поэт. — Ред.

***) Он никогда не желал русского владычества в Грузии и в 1830 году был сослан в чине капитана в Россию за бывший бунт в Грузии.

Все, что они поручили мне сказать я докладывал Министру Иностранных Дел Али-паше. Кроме того объяснил ему расположение духа всего кавказского народа, не исключая даже русских линейных казаков.

Не мог также не сказать ему, что пока Кавказ не соединен железными дорогами с Россией следует не упускать случая овладеть им, дабы Турция не пришла к позднему раскаянию.

Али-паша выслушав переводчика моего Иналука Абисалова, как мне кажется, был доволен и согласен со мною изложенным и оживленно сказал:

— Иншаллах, придет время и вы с душевным восторгом будете одним из главнокомандующих на Кавказе.

Так я кончил двадцатидевятилетнюю действительную службу мою в России, имея от роду 44 года.

В 1865 году, устранив кровопролитную войну, с согласия русского и турецкого правительств перешел в Турцию.

22 июля прибыл в Карс, где был принят с большими почестями и пушечной пальбой. В 1867 роду признан пашею в чине Мир-Лива.

(Продолжение следует)

„Лиран“

ЧЕРКЕССКОЕ ПРЕДАНИЕ.

Посвящается князю
 Вахтангу Цицианову.

Черкесы, населявшие западную часть Кавказа, были до конца XVI столетия христианами, но с падением Византии, Ислам начал укореняться среди этих воинственных

племен. Остатки основ христианства смешались с религией Магомета и выразились в виде легенд и былин, которые передаются старыми черкесами в долгие зимние вечера ма-

лодежи и еще живы в народной памяти до наших дней. Основой легенд и сказаний служат развалины храмов и крепостных башен, пещеры, скалы и вековые деревья. В ущелье р. Шаха, на берегу моря, есть одна такая реликвия, известная среди народа под именем «ствольпан-дерева», называемая по ученому «Липродендрон тюлилифера». С этим деревом связана черкесская легенда, слышанная мною и которую я хочу передать вам, сохраняя приблизительный стиль перевода.

В вечернем воздухе плыли высокие ноты пения муэдзина о том, что «нет Бога, кроме Бога и Магомет пророк Его».

Старик-черкес Джераслан, оставив стадо коз пастись под наблюдением собак, углубился в молитву, стоя на положенной на землю козьей шкурке. В сторонке от него, держа за повод свою лошадь, сидел молодой полицейский чиновник, ожидая окончания «намаза». Джераслан кончил молитву. «Ля и ля-ха, иль Аллах, Магомет Расул Аллах», как бы продолжая молитву, проговорил он.

— Да, Александр, как Бог хочет, так и будет... Посмотри кругом, разве можно не любить это место?! Все меняется, все проходит, а только это место каким было, таким и остается. Вот только и разницы я вижу, что раньше, давно это было, напротив нас, через Шах*) были аулы: Харцыз, Солох, а еще выше, там, далеко в горах Бабук. Позади нас к Туапсе, тоже аулы были: Взычь, Бзога на Псе-зуапсу**), Макапсе, Туапсе... Много аулов, много людей. Хорошо жили. Джигиты были, храбрые, сильные. А теперь не то. Измельчал народ. Нет храбрости, нет удали, да и пегде

*) Р. Шах.

**) р. Псезуапс по-черкесски — «Божья вода».

и не кому ее показывать. Ах! Ах! Изменились люди.

Джераслан сокрушенно покачал головою. Речь его была ровная, спокойная, как и последние годы его старческой жизни.

Из глубины ущелья, над рекою, начал подниматься туман. Из аула доносился лай собак, голоса и мычанье коров.

— Пойдем в аул. Будь моим гостем, Александр. Аллах радуется путнику. Отдохнешь, а завтра поедешь. Далек еще до Сочи.

— Что-ж, спасибо, пойдем. Устал я, далеко в горах был.

— А где же твои нуккеры? — спросил Джераслан.

— Поехали прямо, через Солох-аул в Сочи, а мне к старовеерам в «Матросскую Щель» нужно. Вот я их и отпустил. Что же людей зря мучить.

— Это верно... Ну так идем.

Джераслан поднялся, свистнул на собак и начал спускаться под гору к аулу Кичмай.

Зажиточный аул Кичмай. Спокойно и счастливо живут его жители, занимаясь скотоводством и пчеловодством. Народ, честный, мирный и трудолюбивый. Лето проходит в труде, а зимою, когда табуны и стада приходят с горных пастбищ вниз, к аулу и работы меньше, в долгие вечера старики рассказывают молодежи о былом, давно прошедшем. Лучший рассказчик в ауле считается Джераслан. Стар он. Много жил, много видал и слышал и есть о чем послушать в его рассказах. Русского языка он почти не знал, да и не нужно ему его было знать. Никуда не ездил Джераслан. Жил в ауле, пас своих коз и мало о чем беспокоился. Семья у него была большая: сыновья, внуки, правнуки и все жили вместе, почитали и слушались Джераслана. Чего же

еще больше?! Убыхские обычаи строго соблюдались в семье.

Молодым ездил Джераслан в Турцию, научился турецкому языку и теперь на нем говорил с Александром.

Двор Джераслана большой, огороженный крепким плетнем. Во дворе несколько жилых построек, в которых живут семья его сыновей и внуков. У ворот, при входе, возле огромного ореха, «кунацкая». Это отдельный домик предназначенный для приема гостей. Сзади двора загон для коз и скотный двор. Еще не успели войти в аул, как навстречу выбежали мальчуганы, правнуки Джераслана, и погнав коз в загон, а один побежал домой, известить о прибытии гостя. Разговаривая со встречными, подошли к воротам, возле которых стоял правнук Джераслана, ученик сочинской гимназии, Асланбек. Поздоровавшись со стариком и гостем, он взял лошадь последнего и повел ее в конюшню. Из трубы «кунацкой» валил дым, а окна были освещены пламенем очага.

— Вот мы и дома, — проговорил Джераслан, — заходи, Александр, «благослови Аллаха, приезд твой».

Навстречу, из «кунацкой», вышла девушка и стала у двери, поклонившись пришедшим.

Александр, соблюдая обычай, передал свою пашку и карабин Джераслану.

— Хорошее у тебя ружье. Красивое и далеко бьет.

— Да, Джераслан, ружье хорошее, спасибо моему отцу, это он подарил мне.

Вошли в кунацкую. Стены выбелены известью, по стенам ковры; земляной пол, вымазанный глиной, устлан войлоком, вдоль стен положены подушки и мутаки. Единственной мебелью был низенький круглый стол.

— Тэсе, Александр, — проговорил Джераслан, приглашая гостя садиться, но тот про-

должал стоять, зная, что садиться первым при старших не прилично. Джераслан сел. Сел и Александр.

— Эй, Кук! — крикнул в открытую дверь старик.

Вошла девушка лет 16-17, неся тая и кумчан с водою, а за нею ее сестренка, лет 10, с полотенцем на обеих руках. Кук, держа одною рукою тазик, другою поливала из кумгана воду на руки мужчин. Подошла с полотенцем баловница Шаяш. Пока Александр вытирал руки, она погладила своей рученкой блестящий погон на плече гостя, но под строгим взглядом старика отдернула руку и опустила глаза.

— Безпобойная девочка, любит все, что блестит, баловница! Ах баловница.

Кук бегом направилась в дом своего отца и принесла на луженом подносе перепелок жареных на вертеле, расплавленное масло, сыр, мед и горячие кукурузные лепешки.

— Асланбек поймал, — сказала Кук по-русски, показывая на перепелок. — Большой охотник Асланбек.

Девушка вышла. Джераслан провел руками по лицу и сотворил краткую молитву. Александр перекрестился. Молча приступили к еде и молча ели.

Когда голод был утолен, начался разговор.

— Эй в-Алла, Джераслан, — вытирая руки сказал Александр.

— Берекат олеуэ, — ответил тот. — Ну, что, как в горах? Скоро ли табуны выяз пригонят? Имеретинцы не воровали лошадей у наших? Положим, наши табунычики молодцы, у них не украдешь. Особенно Мурзабек. Мурзабек храбрый! Он на японской войне был. У него медаль есть.

— В горах все слава Богу, Джераслан, а вот на обратном пути пришлось мне заехать в Три Дуба. Неприятность там вышла. Охот-

яне охотника нечаянно убил. Темно было во-
 чью. Они в разных местах в кукурузе сидели,
 медведя ждали. Надоело одному, вот он и по-
 шел к другому, а тот думал, что медведь идет,
 ну выстрелил и убил наповал. Приехал я, а
 убийца сидит над убитым и плачет. Как бра-
 тья жили, а вот на-ж тебе, такой грех вышел.

— Ай! Какое горе. Как звать убитого?

— Кузьма Назаров, а убил его Петро Ко-
 роль.

— Знаю. Оба хорошие люди. Я когда ко-
 пас в тех местах, часто ночевал у них. Жалко.

С улитки донеслись голоса.

— Ребята идут, — сказал Джераслан
 вставая и направляясь к двери. — Эй! Джем-
 бот! Мде како, — крикнул он в темноту.

В кунацкую вошел Джембот и с ним еще
 человек пять гостей. «Ребята» оказались от
 30 до 40 лет, но живые и поворотливые, с
 блестящими глазами. Гости поздоровались с
 Джерасланом и Александром, справились об
 их здоровье, делах, благополучии домов и се-
 мей и получив ответы и ответив сами на та-
 кие же вопросы, последовали приглашению
 садиться. Прием гостей у черкесов всегда про-
 исходит стоя, и садиться считается приличным
 только после того, как сядут старшие. Вооб-
 ще уважение к старшим введено у них чуть
 ли не в культ, так же как гостеприимство и
 дружба, доходящие иногда до жертвенности.
 Джераслан предложил гостям закусить, но те
 отказались, выражая пожелания, чтобы всемо-
 гущий Аллах, видослал хозяину всякие бла-
 га за его радушие. Выслушав от Александра
 известие о несчастье в дер. Три Дуба, посе-
 тевали, погоревали и решили, что это все
 устроил «шайтан» и ни кто иной.

Вообще власть неясной силы еще до-
 вольно крепко сидит в горах, но достаточно
 лишь во время сотворить молитву, и чары «зло-
 го духа» рассылаются прахом. Примеров силы

и могущества Бога в горах тысячи и каждый
 мог бы подтвердить это случаем из своей или
 своего «кунака» жизни, но так как Джераслан
 был старше всех, то уж и честь рассказа при-
 надлежит только ему.

— Джераслан, — обратился к хозяину
 Джембот, — ты обещал нам рассказать про
 тюльпан-дерево, что растет на берегу моря,
 там где владает Шахэ.

— Что-ж. можно рассказать. — Джера-
 слан подложил себе под руку мутаку, уселся
 поудобнее и раскурил свою маленькую трубку.

— Давно это было, очень давно.. Так
 давно, что убыхи еще не были магометанами.
 Была другая вера, был другой пророк, которо-
 го звали Исса *), который и умер за бедных
 и обиженных и вера его заставляла любить
 даже своих врагов. Вот в это-то время жила
 в горах девушка красоты необычайной и если
 кто видел ее, сердце его загоралось огнем и
 за один взгляд ее человек пошел бы на все,
 даже на смерть. Но сердце девушки было еще
 закрыто для любви. Отца у нея не было, бра-
 тьев и сестер тоже и жила она с матерью в
 своей бедной сакле тихо и мирно. В один зим-
 ний вечер, когда непогода шумела в горах,
 усталый путник постучал в ворота ее двора и
 попросил приюта на ночь. Дехан, так звали
 девушку, вышла с матерью навстречу к го-
 стю, благословляя волю Пославшего его и да-
 ла приют и пищу. На утро увидала она, что
 гость их очень слаб и узнав, что он был ранен
 в борьбе с джигитами севера, упростила его
 остаться еще, омыла его рану, положила це-
 лебную мазь и ходила за ним, как за братом.

(Окончание следует)

Александр Диановский.

*) Исса — Иисус Христос.

Обзор печати

Из советской прессы

ЕЩЕ О «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Из статьи «маршала» Тухачевского о Серго Орджоникидзе:

«Исключительную роль сыграл тов. Орджоникидзе совместно с покойным тов. Кировым в деле *подготовки наступления и в самом наступлении 11-ой армии на Баку*. Связь с бакинскими коммунистами, политическая работа *в войсках, предназначенных для наступления, подготовка броневых поездов и материальной части*, организация перебросок и снабжения — все это обеспечило исключительный темп наступления и успех *в боях за Баку*».

Еще один удар по версии «пролетарского переворота» в Азербайджане, наносимый самими советскими заправилками.

А вот и текст, избобляющий еще больше большевицкое лицемерие в данном вопросе: это самый приказ о наступлении на Азербайджан, подписанный *Тухачевским* (командкавказ), *Орджоникидзе* (член РВС) и *Зочхарь* (пом. нач. штабфронта); документ мы приводим со слов Нажмуддина Самурского (Эфендиева), секретаря центрального комитета коммунистической партии Дагестана:

«Серия Г.

Командиру XI *Левандовскому* и комфлота Каспийского *Раскольникову*. Ко-

мандиру Главкому, Командюгосзап, Командуркфронт и нач. штабфронта *Пушасву*.

Петровск, 21 апреля 1920 г. 30 мин.
Карта 10 верст.

«Главные силы Азербайджана заняты резней армян на западной границе своего государства. В районе станций Ялама — Баку, по данным разведки имеются лишь незначительные азербайджанские силы.

В развитие полученных мною документов, приказываю:

1. Командарму одиннадцать 27 апреля с. г. перейти границу Азербайджана и стремительным наступлением овладеть территорией Бакинской губернии. Операцию Ялама — Баку закончить в пятидневный срок. Выслать боковые кавалерийские отряды для захвата Закавказской железной дороги в районе Кюрдамир.

2. Комфлота Раскольникову ко времени подхода частей XI армии к Апшеронскому полуострову, произвести в районе станции Алят десант небольшого отряда, который должен быть выделен распоряжением командарма XI. Быстрым налетом овладеть Баку, всем наличным флотом и не допустить порчи нефтяных промыслов.

3. О времени получения директивы и

отданных распоряжениях донести в штаб-фронт № 490».

Документ этот, полагаем не нуждается ни в каких комментариях. Все было предусмотрено, вплоть до охраны нефтяных промыслов. Полагаться на басню о «прохождении» лишь большевистских сил через Азербайджан, которые якобы шли усилить турок в войне против греко-англичан, могли лишь такие горе-политики и ретозей, как Расул-Заде и Ко. С другой стороны, документы эти достаточны для того, чтобы раз навсегда покончить с басней о «пролетарской революции» в Азербайджане, распространяемой большевиками.

ГРУЗИНСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ И «ФРЕНТЕ ПОПУЛЯР»

В октябрьском номере «Брдзозис Хма» (№ 65), являющегося, как известно, официальным органом грузинских меньшевиков и руководимого председателем так называемого «Грузинского Национального Центра», помещена статья г. К. Г. об испанских событиях. Под этими прозрачными инициалами скрывается один из ближайших сотрудников г. Жордания, занимавший самые ответственные посты по партийной и правительственной линиям и ныне представляющий грузинских марксистов во II Интернационале.

Статья озаглавлена: «Положение в Испании»:

«После пяти лет испанской революции, пишет г. К. Г., более 80% офицерства нарушают данную республике присягу и поднимают восстание. Самое возмутительное то, что против своей страны и для истребления собственного народа они

приводят из Марокко Иностранный Легион... Нужно отметить, что генералы встали за восстание после переговоров с некоторыми фашистскими странами и полученных с их стороны обещаний помощи. Эти обещания были сдержаны вполне и восставшие получают всякого рода военный материал в достаточном количестве. Не отказывают им ни в деньгах, ни в испытанных техниках инструкторах... Ясно, фашистские страны сильно заинтересованы в испанских делах. Некоторые из них, лишённые раньше владений в Марокко стараются снова вернуться туда. Некоторые же из них ищут новых гаваней и желают утвердить свое господство в западной части Средиземного моря. Все это верно. Но цели фашистских стран этим не исчерпываются. Они более глубокого и обширного характера. В Европе сейчас остро стоят друг против друга два режима, два направления. Диктаторские страны вооружаются, взаимно помогают друг другу и стремятся стереть всякую свободу. В Испании сейчас идет борьба между этими направлениями. Борьба на жизнь и смерть между фашизмом и демократией. От исхода этой борьбы много зависит какое направление примет будущее международное положение. Победа фашизма в Испании может легко повлечь за собой постепенное падение демократических стран континента, широкое господство авторитарного режима, потерю свободы многими ныне независимыми странами и сильное и на долгое время закрепощение ныне угнетенных и поработанных народов».

Нуждается ли эта статья в комментариях? Итак, в Испании «мятежные генералы», душители свободы и угнетатели малых наро-

дов, сговорившись с фашистскими странами ведут борьбу с защитниками демократии и законности... Во главе «законного правительства» не находится испанский Ленин — Ларго Кабаллеро. В Каталонии не господствуют анархисты и коммунисты. В Мадриде не царит Мойсей Розенберг, а в Барселоне не распоряжается Антонов-Овсеенко.

Против «инострального легиона», оперирующего под Мадридом не сражается международный марксистский отряд. Фашистские страны вооружают ген. Франко. А у Ларго Кабаллеро нет ни одного московского аэроплана, ни одного советского танка и пулемета.

Торжество анархо-коммунистов в Испании будет означать торжество «демократии», расцвет свободы и раскрепощение угнетенных народов (как в советской России?!), а торжество ген. Франко и борющихся против мирового коммунизма фашистских стран — «сильное и на долгое время закрепощение ныне угнетенных и поработенных народов»...

И вот такие типы возглавляют «Прометеевский Фронт» и хотят уверить нас, что они ведут борьбу с советской властью за независимость Кавказа!

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ БЕДЛАМ

В том же номере «Брдзолис Хма» маленький нагоняй редактору «Прометей» г. Гвазава:

«В последнем номере (№ 117) «Прометей» помещена статья Г. Гвазава, которая не мало нас удивила. Хотелось бы знать чей это орган? Кто является за него ответственным и имеет ли какую ни-

будь связь с этим органом Совет Конфедерации Кавказа? — В том же номере помещена статья Ноя Jordания «Дарованная Конституция», которая появилась в 64-м номере нашей газеты. «Прометей» воспроизводя статью этого факта не отмечает».

Заметка, характерная для правов так называемого «Прометеевского Фронта», лучшим украшением которого является сам «Брдзолис Хма».

«Брдзолис Хма», конечно, отлично знает кому принадлежит «Прометей», чей он орган и какую играют в нем роль грузинские меньшевики. К фашистским вылазкам незадачливого Гвазава, бедной марионетки в руках г. Jordания, официальный орган грузинских меньшевиков не всегда относился так сурово.

Помнится в августе 1934 года тот же Гвазава уже зазывал на страницах «Прометей» (№ 92) на Кавказ «фашистских империалистов», суля им всяческие кавказские блага... Тогда Брдзолис Хма был глух и нем. Не потому ли, что в ту пору грузинские меньшевики как раз начинали стучаться в итальянские двери (конечно, как всегда кружным путем и через подставных лиц) и мастер на все руки редактор «Прометей» — более «приемлемый» для Рима чем махровые марксисты из «Брдзолис Хма» — выполнял «социальный заказ»?..

На статью Гвазава во всем «Прометеевском Фронте» отозвался тогда лишь один Мустафа Чокаев, тоже каким то боком причастный к журналу «Прометей» (в последние годы, впрочем, больше к его обложке, чем к содержанию).

Искусный пловец между Сциллой и Харибдой, subtilный редактор «Яш Туркестана»

не мог не быть шокированным грубостью меньшевистских приемов.

Не без язвительности он напомнил своим соотечественникам по фронту, что кавказцам не мешало бы не забывать, что под боком у них имеется Турция (отношения ее с Италией в то время были больше чем прохладными), которую такие армарочные зазывания на еще не освобожденный Кавказ могут серьезно обеспокоить и настроить отнюдь не в пользу кавказцев...

Ныне в «Брдзалис Хма» дуют более приличествующие марксистской газете мадридские ветры и бедный Гвазава получает головной убой.

Последнему, однако, не следует унывать... Политическая погода в наше время меняется быстро и меньшевистские хамелеоны наверное еще не раз через черный ход будут стучаться и в Рим, и в Берлин...

ХРОНИКА

— ЦИК Абхазии постановил создать первую абхазскую национальную оперу «Изгнанники», по либретто драматурга Лакербая и по партитуре Шведова, профессора Тбилисской государственной консерватории. Сюжет оперы — национально-освободительная борьба абхазского народа с русским царизмом и местной «феодално-помещичьей верхушкой» в шестидесятых годах прошлого столетия. Одним словом: с царизмом — сколько угодно, но о большевизме — ни гу-гу!

— Отставлен от должности Астемиров, наркомпрос Дагестана. Отставка объясняется «троцкистско-националистическими» тенденциями комиссара.

— В распоряжении Дагестанского научно-исследовательского института национальной культуры поступили новые материалы об имаме Шамиле, в том числе часть его личной переписки. Особый интерес представляют мемуары Абдурахмана, зятя имама. В своих мемуарах автор охватывает период времени,

начиная с первого имама Кази-Муллы и кончая пленением Шамиля.

Сейчас институт заканчивает разработку имеющихся материалов и ведет переговоры с издательством «Академия» об их опубликовании.

«ЧИСТКА» ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Как нам сообщают из Тбилиси, на днях, «идеологическая чистка», которая теперь проводится в ряде учреждений Кавказа, коснулась также Тбилисского университета, откуда выброшены ряд профессоров из грузин за их анти-марксизм. Интересны мотивы, приводимые «чистильщиками»: так, например, профессор А. Церетели, оказывается, выражал «фашистские взгляды» в своих трудах по древней истории. За это вольнодумие, несчастный не только был выкинут за борт, но и

был лишен научной степени доктора исторических наук. Профессор Джавахишвили провинился тем, что переводя труд известного немецкого геофизика Гетнера, в предисловии своем именовал его «чистым» ученым; профессор Дanelia обнаруживал в своих лекциях по истории литературы «рецидивы идеализма»; профессор Зандукели, по истории грузинской литературы, не выявлял особой «деликатности» к социализму; профессор Чикабава противопоставлял взгляды Марра на развитие языка взглядам Маркса и т. д., и т. д. «Вычищены» также профессора Натадзе, Какабадзе и др.

— Армянский композитор Аро Степанян написал новую комическую оперу «Кадис Назар», на известную тему «Храбрый Назар».

— Грузинский писатель Ак. Гецерели написал новое произведение о Шамиле. Произведение будет печататься в журнале «Мнатоби». Гецерели использовал материалы дагестанских историков и биографов Шамиля, а также найденные в тифлисском архиве письма Шамиля на арабском языке и дневники Руновского и Пржецлавского, охранявших военнопленного в Калуге. Есть также в книге Гецерели часть, извлеченная из его поездки по Дагестану, из рассказов старожилов и одной найденной книги на арабском языке, которую изучает арабист Г. Церетели. Книга

имеет три части: «Детство и отрочество», «Имамুল Азиям» и «Падение и смерть».

КАФЕДРА ГРУЗИНОВЕДЕНИЯ В НЕАПОЛЕ КОНКУРС ИМЕНИ РУСТАВЕЛИ

С 5 ноября текущего года при Королевском Институте Востоковедения в Неаполе создана кафедра по изучению грузинской литературы.

Институтом объявлен конкурс имени Руставели на лучшую работу о нем на итальянском языке (Перевод и разбор. Введение к «Барсовой шкуре». Анализ сюжета и типов поэмы).

Размер работы — 150 дактилографированных страниц. Премия — 1.000 итальянских лир.

ПОПРАВКА

В последнем номере «Кавказа», под статьей *Ген. Одишвилидзе* «Роль грузинских меньшевиков в подготовке к войне 1921 года», ошибочно показана дата 3 марта 1932 года. Следует читать: 3 марта 1922 года. Мы не сомневаемся, что наши читатели, обратившие внимание на эту досадную опечатку, сами ее исправили.

БИБЛИОГРАФИЯ

«САКАРТВЕЛОС ГУШАГИ» (СТРАЖ ГРУЗИИ). Ежемесячная газета. Париж. Январь, 1936 г. ТРИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТА, *Зураба Авалишвили*.

В национальной библиотеке в Париже хранится одна рукописная книга на грузинском языке (по франц. каталогу груз. рукописей — № 26), составленная, надо полагать, в первой половине XVIII века и представляющая собою как бы письмовник. Образцами взяты не выдуманные специально письма, а для этой цели подобраны подлинные документы. На-лицо все сведения: кому и от кого писано, как следует писать тем или иным духовным и светским сановникам. Приведенный материал отчетливо характеризует тогдашний обиход и культуру грузинских слоев и всего государства.

В этом руководстве для секретаря случайно сохранились три важных исторических документа. На их значение вскользь указал историк М. Броссе, посвятивший в 1871 году статью (см. Меланж азиатик, Русск. Акад. изд., т. VI, стр. 233-252), но в грузинской исторической литературе они мало известны. З. Авалишвили приводит их ин-экстензо, и снабжает обильными ценными комментариями. Первый документ (по сборнику № 40), долженствующий служить образцом для писания траурных оповещений государя государем, содержит в себе письмо-извещение, посланное Александром III — царем Имеретии (Западная Грузия) царю Карталинии (Восточная Грузия) — Ростому о кончине в плену своего брата Мамуки, замученного вла-

дельным князем Мингрелии Левалом II Дадзиани в 1654 году, на сестре которого Мариам был женат царь Ростом. Александр просит царя и царицу пожаловать на оплакивание. Событие это имело место в 1654 году.

Дело в том, что по сообщению грузинского историка XVII века Парсадана Горгиджанидзе, князья Карталинии обратились с просьбой к бездетному царю Ростому, чтобы он усыновил и сделал престолонаследником всеми почитаемого Мамуку, что необходимо в целях объединения всей Грузии, так как Мамука является наследником и брата своего Александра, царя Имеретии. Но Имеретию, как и Мингрелию в то время Турция почитала входящими в свою сферу влияния, каковое влияние осуществлялось через Сафарпашу, сидевшего в Ахал-цихе. Царь Ростом, зависевший от персидского шаха, во избежание международных осложнений отказал в ходатайстве. Это он выразил в извинительном письме на имя Мамуки. Безрезультатны были усилия к примирению враждующих его родственников кахетинского царя Теймураза I, бежавшего в это время к Александру III, женатому на его дочери Нестан-Дареджан. Ослепление Мамуки и последовавшая за этим его смерть сильно взволновали Грузию и в особенности сестру Левана Дадзиани — царицу Мариам. Судьба отомстила жестокому мингрельцу. Во время оплакивания сына он в испугании так хватил себя плетью, что тут же свалился мертвым на труп. К тому же и царь Имеретии одержал сокрушительную победу над мингрельцами при селении Бандза в 1658 году. Александр III посадил князем Дадзиани (имя от названия крепости Даде,

как теперь установлено) из фамилии Липартиани.

Второй документ (по сборнику в двух копиях за №№ 54 и 79; напечатана первая), представляет собою прошение овдовевшей царицы Мариам — супруги царя Ростом. Она обращается к властелину Персии шаху Аббасу II (1641-1666) через первого министра Мамед-бега (Ихмад уд Довле — опора государства). Письмо написано по смерти царя и по погребении его в Куме (Персия). Царица сообщает, что села в крепость со всеми своими людьми и стала ждать приказа об освобождении, каковое и последовало: что приехал Персадан-бег (по мнению автора очерка историк Парсадан Горгиджанидзе), привез от шаха по обычаю халат ей и сообщение, что он благосклонно относится к царице и грузинам, каковое известие встречено с радостью всем населением; что она, царица, согласна выйти замуж за карталинского царя Вахтага V (по персидски Шах-Наваза) и что она просит продолжить ей доверие в управлении страной. Стиль письма выдержан с точностью и с соблюдением восточного этикета. Этот неподлежащий никакому сомнению документ дает основание З. Авалишвили справедливо полагать, что неправы известный французский путешественник Шарден и некоторые грузинские источники, когда сообщают, что будто Шах-Аббас II приказал царицу Мариам отправить в свой гарем. Надо полагать, легенда эта возникла значительно позднее. Шаху в это время было всего 27 лет, вдова же царя Ростом была старше его, по крайней мере, лет на двадцать пять. Комментарий документа не верит также тому, что при женитьбе на вдовствующей царице Вахтаг V сообразился ее личными богатствами. Он ведь итак являлся наследником богатейшего царя Ростом. Грузинский историк царевич Вахушт вынужден был расстаться со своей до-

бродетельной супругой Родам (Орбелиани), конечно, по политическим соображениям, каковыми руководствовала и вдова Ростом. К этому, очевидно, понуждали непреодолимые внешние обстоятельства. Невольно историк Авалишвили приходит на память образ святой Кетеван, умученной Шах-Аббасом в 1627 году в Ширазе (Персия) и своей жертвенной верностью христианству и родине вдохновившей известного немецкого писателя XVII века Андре Грифлуса.

Третий документ (по сборнику № 55) от султана к шаху представляет собою переведенное с турецкого на груз. яз. гордое и надменное послание султана Мурада IV (1623-1640) к Шах-Сефу, внуку Шах-Аббаса (1628-1642). Для вящей импозантности стамбульский надписях перечисляет страны, на которые простирается его власть. З. Авалишвили в документе этом обнаруживает неточности и ошибки, внося свои исправления. По отношению к Грузии-Кавказу послание это имеет косвенное значение. Мурад IV упоминает о взятии Багдада у персиян в 1628 году, захваченного при Шах-Аббасе в 1623 году, при чем обещает весной наступающего 1639 году вторгнуться в пределы Персии, Нахичевана и Азербайджана. И в самом деле вслед за соответствующими действиями состоялось в этом году между двумя восточными государствами полюбовное соглашение, в силу которого Багдад остался за Турцией, а Эривань за Персией. М. Броссе документ этот считает выдуманным юмористически-карикатурным произведением. З. Авалишвили, напротив, придает ему значение пропагандного средства, составленного, быть может в захваченном Ахал-цихе по-турецки и затем переведенного на груз. яз. с целью дискредитации в глазах грузин персидской мощи. Составление этого документа Авалишвили приурочивает к 1720-1724 г.г.

когда турки временно овладели Тифлисом, а Россия по Стамбульскому трактату 1724 года отказалась в пользу Турции от проблематичных претензий на Грузию. Тогда Турция стремилась расположить к себе Грузию.

З. Авалишвили допускает правильность предположения историка М. Броссе, что составитель этого «секретарского сборника» вышел из грузинского окружения в Москве царя-эмигранта Вахтанга VI. Помещение в одном практическом руководстве всех этих до-

кументов в известной последовательности несомненно указывает, что составитель-патриот хотел наглядно представить грузинам положение их страны во время былой мощи Персии и соперничавшей с последней в экспансии другой мусульманской страны Турции. Но судьба готовила Грузии новое осложнение. Она становилась на перекрестке двух дорог — турецкой и русской. Такова ситуация этой многострадальной страны и в наши дни.

Г. Д.

Открыта подписка на 1937 год на ежемесячный журнал

4-ый год
издания

„КАВКАЗ“

4-ый год
издания

Орган Независимой Национальной Мысли

Журнал ставит своей целью освобождение Кавказа от иноземной оккупации и образование независимого Кавказского государства на конфедеративных началах.

Считая, что политическая независимость Кавказа и культурно-экономическое его преуспеяние могут быть обеспечены только го-

сударством, построенным на принципе национальной солидарности, журнал будет вести неустанную борьбу против всех разлагающих и антинациональных сил и прежде всего против интернационализма и марксизма, как в большевицком, так и в меньшевицком его воплощениях.

Условия подписки:

	на год	на 6 мес.	на 3 мес.
Во Франции	36 фр.	18 фр.	9 фр.
В других странах	38 фр.	19 фр.	9 фр. 50 с.

Адрес Редакции: Mr Haïdar Bammate, 10, rue de Plélo Paris (15).